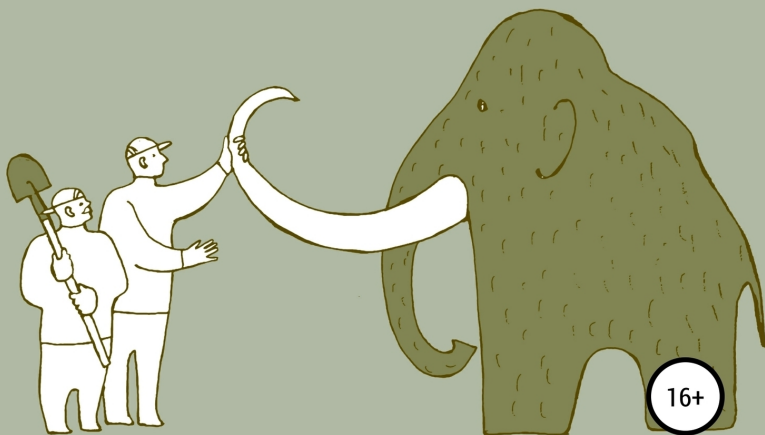

Сергей Прокопьев

**ВПЕРЕД
НА МАМОНТОВ**

Сергей Николаевич Прокопьев

Вперёд на мамонтов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48418947

SelfPub; 2019

Аннотация

Два друга отправляются в экспедицию в Якутию на поиски костей мамонтов. На реке Яне находят кладбище мамонтов с множеством останков древних животных, однако попадают в поле зрения серьёзных органов, которые принимают мужчин едва не за диверсантов. Повесть написана в ироническом ключе и полна забавных эпизодов со стрельбой, допросами и таёжными приключениями.

Сергей Прокопьев

ВПЕРЁД НА МАМОНТОВ

Повесть

Костная лихорадка

Прихожу к армейскому другу Денису Горлову, а у него Коля-якут. Надо уточнить – жили мы в Якутске. Я носился с идеей... Правильнее сказать – вынашивал идею: вот бы кости мамонтов пособирать. Был у меня товарищ по имени Антон, за два года до этого перебрался из Якутска в Горно-Алтайск. Антон из племени увлекающихся, кому не терпится всё испытать-попробовать. На гитаре играл, песни сочинял, на концертах пел и с фотоаппаратом не расставался – портреты, пейзажи щёлкал и фотовыставки устраивал. Талантливый человек, известное дело, на все руки мастер, Антон вдобавок к перечисленному освоил резьбу по кости – мамонтов из мамонтовой кости вырезал.

В далёком моём детстве к кому в гости ни придёшь, на комоде семь фарфоровых слоников. Комод одежду хранить, слоники – для красоты. Мои родители, да и остальные взрослые не заморачивались китайской теорией фэн-шуй, по которой слоники приносят в дом счастье и удачу, больше на

себя надеялись, чем на замысловатый фэн-шуй. Но в качестве милого украшения жилища стелилась на комод салфетка, крючком связанная или вышитая, на неё ставились в ряд слоники. Бытовало два типа фигурок – у одних хоботы победно задраны вверх, у других – смотрели в землю. В нашем доме слоники куда-то сосредоточенно шли, им было не до криков на всю Африку, поэтому хоботы опущены.

Дружок мой Антон на слоников время не тратил, для северного человека мамонты роднее, их увековечивал в поделках из кости. Перебравшись на Алтай, Антон завёл знакомства с серьёзными косторезами. В отличие от Якутии на Алтае с мамонтами сложнее, можно сказать, вообще никак, их останки если и попадают, не в промышленных масштабах. Тогда как в Якутии, по уверениям исследователей, более восьмидесяти процентов мировых запасов мамонтовой кости. Мамонты жили во всём северном полушарии. Пролив Берингова и Ламанша не существовало, поэтому преспокойненько паслись на всей территории от современной Канады до Великобритании. Травы им требовалось много, до двух тонн в сутки, щипали её и на Аляске, и в Якутии, и на Алтае, и в Сибири, и в Скандинавии, и на пяточке будущей Франции. Тем не менее основные залежи костей на Якутию пришлись. Антон навёл меня на мысль: на мамонтах можно хорошо заработать.

Было это в начале девяностых годов, когда торговали всем, чем ни попадя. Мутная шатия-братия, захватившая

власть, все эти ельцины, чубайсы да гайдары по-крупному распродавали Россию под видом борьбы с коммунизмом, рядовые граждане свой базар организовали, без всяких высоких идеологических лозунгов, исходя из сугубо приземлённых целей – кушать хочется. В магазинах много чего оставалось советского, это покупалось в больших количествах, затаривалось в безразмерные баулы и транспортировалось куда-нибудь в Польшу. В обратном направлении везли западную экзотику – жевательную резинку, импортные сигареты. Кто-то крутился на родных просторах: торговал книгами или налаживал контакты с колхозами, кои спешно пускали под нож дойных коров, возил из сёл и деревень машинами мясо на промышленные предприятия и продавал тушами... Конструкторы торговали носками, врачи – лекарствами, инженеры – изоляционной лентой, гвоздями и так далее... Недавно анекдот попался: «В СССР были бесплатные квартиры, больницы, школы, детские садики, дома отдыха, пионерские лагеря, санатории, но не хватало бананов. Слава Богу, эти тёмные времена позади и сейчас всем хватает бананов».

В Якутии началась мамонтовая лихорадка. Как говорится, кто на чём сидит, тот тем и зарабатывает. Президентом Якутии восседал господин Николаев, он в духе демократических преобразований разрешил высоким указом: кости мамонта можно собирать сколь душе угодно! Но с оговоркой, что лежит на поверхности – бери, в вечную мерзлоту не углубляйся. Демократия демократией, да нашему брату дай запустить

коготок, разроют Якутию до чрева земли-матушки. Тем более на пятки нашему брату китайский наступает со страшным аппетитом. Носом роет, добывая чужой природный ресурс, оставляя после себя распотрошённую землю. И ещё один запрет президент ввёл: найденные кости сдавать в специальный мамонтовый фонд. За пределы республики не вывозить.

Вывозили тоннами. Особенно в Китай. Если нельзя, но очень хочется, изворотливый человеческий ум найдёт лазейку... В Китае резьба по кости приобрела грандиозные масштабы, ушлые жители Поднебесной всегда отличались нюхом на покупательский спрос. А тут с одной стороны Россия, как простодырая торговка на базаре, позволяет себя обирать, а с другой Западная Европа с большим удовольствием раскошеляется на натуральный продукт, сделанный не из ширпотребовской пластмассы, а из материала, который десятки тысяч лет назад топтал многотонными ногами землю.

Китай Китаем, но не о нём речь. Вернёмся к Коле-якуту. Сидим на кухне у Дениса, беседы беседуем. Я и скажи про кости мамонта (кто о чём, а вшивый о бане). Вот бы, помечтал, съездить летом да поискать, только куда рвануть, чтобы наверняка набрать. Согласно научной статистике, аж восемьдесят процентов мировых запасов кости мамонта на Якутию приходится, но это не значит – в любом месте копни и бивень отроешь, бери и продавай. На мои мечты Коля обыденным тоном заявляет: он знает кладбище мамонтов, коего

не касалась загребущая рука человека, озабоченного сбором костей. На то кладбище на Яне ни высоколобых учёных не заносило, ни чёрных копателей.

Слышать о кладбищах мамонтов я слышал, но относился с недоверием к факту – в одном месте может скапливаться множество костей. Дескать, доисторические животные, чувствуя приближение конца жизни – зубы стёрлись, кости поизносились, мышцы ослабли – шли за сотни километров в определённое место околевать.

Надо, забегая вперёд, сказать: не одни мамонты облюбовали под кладбище площадку, указанную Колей. Зря я не взял те рога. Ни до, ни после не видел в музеях ничего подобного. Что за быки носили такую красоту, так и не выяснил. Рога по всей длине витые. Взять, скажем, в две руки жгут резиновый (в сечении окружность), винтом скрутить, а потом полукольцо сделать... Бесподобные рога. Четыре штуки нашёл, полюбовался, повздыхал: если их взять, меньше мамонтовой кости увезём... В яму прикопал до лучших времён... Двадцать лет с хвостиком прошло после нашей экспедиции, но лучшие времена так и не наступили... Но это лирика, что касается костей мамонта, приходилось слышать: на таких кладбищах встречаются кости шерстистого носорога и пещерного медведя, однако нам такие не попадались.

Коля-якут был «химиком». За хорошее поведение его перевели на другой режим – мы их звали «химиками». «Химики» могли без конвоя выполнять различные работы как

на самой зоне, так и за её пределами, но жили в зоне. Получил Коля срок по своей дурости. Кто сталкивался на севере с людьми местных национальностей, знает эту особенность. Многим присуще детское восприятие жизни. У нас поднять руку на близкого товарища, сжать кулак на друга, ударить – это событие из ряда вон. К примеру, случись у нас с Денисом подобное, скорее всего, помирились бы, но на всю оставшуюся жизнь лёг на сердце рубец. Что у меня, что у него. Пусть один больше прав, другой больше виноват, но терзались бы оба. Событие на уровне катастрофы. У якутов после пары рюмок потолкаться, кулаками помахать, что чаю попить. Сегодня подрались – завтра опять друзья-товарищи как ни в чём не бывало. Никаких душевных терзаний, сердечных раскаяний. Ну, было – было, да и ладно. Как при разборках в детском саду, сегодня разодрались до слёз, завтра снова не разлей вода дружба, а послезавтра опять возможен конфликт с обменом кулачными ударами. К чему это веду – Коля со своим товарищем повздорил. Даже, по его словам, не дрались – просто, приняв на грудь, потолкались. Коля вышел победителем поединка, да на его беду дело произошло зимой, настоящей якутской зимой, когда на термометре практически вся контрольная жидкость опустилась на самый низ стеклянного столбика. Побеждённый товарищ не устоял на ногах (выпили они до начала кулачного противостояния во все не пару рюмок, а значительно больше), упал и замёрз. Коля получил срок.

С этой детскостью позже сами столкнёмся. Саня-охотник едва не подстрелит меня и Дениса. Мужик сам по себе отличный. Никаких претензий к нему, самые тёплые воспоминания остались от нашей встречи. Стрелок – уникал. Когда-то восхищался меткостью Дерсу Узала, читая о нём у Арсеньева, а тут в жизни встретил охотника, для которого попасть белке в глаз даже в пьяном состоянии – плёвое дело. Но об этом чуть позже.

Коля-якут, когда я вышел на тему, вот бы кости мамонта пособирать, радостно вскинулся:

– У нас таких костей как грязи!

И начал рассказывать, что в ста пятидесяти километрах вверх по Яне, если стартовать из его родного улуса, ископаемых мамонтов – целое кладбище.

– Свисти-свисти, приятно слушать! – сказал я, принимая Колины слова за обычный трёп за рюмкой чая. – Не заливай выше крыши!

– Зуб даю на отсечение! – Коля поднахватался лагерной терминологии, но от волнения, вызванного моим недоверием, в его голове два фразеологизма слились в один. – Есть мамонт, как грязи!

И начал рисовать маршрут: до Батагая на самолёте, из аэропорта на машине до улуса, где ждёт его жена Мария, оттуда подняться на моторке по Яне до заброшенного улуса Охсордох. Рядом с улусом Яна делает крутой поворот, на излучине отмель – на ней кладбище.

– Жене пишу письмо, – убеждал нас Коля, – жена моя красавица и хозяйка на все сто двадцать, встретит вас в лучшем виде. В улусе кореш мой Вася Зыков, скажете, что я, Коля Петров, ваш первый друг, Вася расшибётся для меня лепёшкой. Доставит до кладбища без копейка денег. Бутылка спирта ему в зубы – Вася полные штаны счастлив! Туда довезёт, обратно – заберёт. И ни копейка денег! Но спирт давать на финиш, Вася загулять парень не дурак!

Улус Коли-зека

Помараковали мы с Денисом и постановили: едем за костью мамонта. Зачем откладывать на завтра то, что можно съесть сегодня. Сказано – сделано. В июне Коля-зек заронил идею, в августе мы скомандовали себе: вперёд на мамонтов!

С Денисом мы в армии сдружились. Он родом из посёлка Табага, это под Якутском, сначала сошлись, как земляки, а потом – на всю жизнь, у Дениса, правда, она получилась короткой.

Денис был человеком основательным, неспешным, без лукавства, какой-то хитрости, изворотливости. Если что, прямо в лоб тебе правду-матку влепит, без всякой толерантности. Друг ты не друг, а получи, если не прав. Правильный во всём. В армии женская тема – особая статья, его спрашивают:

– Денис, у тебя баба была когда-нибудь?

Он с укором:

– Разве можно так «баба»? Надо говорить – женщина.

В нём была обострённая совестливость, чувство справедливости. Старше меня на два года, в армию в двадцать пошёл, по рассудительности всем нам фору давал. И друг надёжный. Попросишь, всегда выручит. Я, случалось по жизни, подводил Дениса, грешен. Он – никогда. Обидчивый. Может оттого, что без матери рос, она рано у него умерла.

В армии первые месяцы трудно нам дались, Денис хоть и сам не в лучшем положении, но хорошо поддерживал меня. Служили мы в 1988–1990 годах, самая горбачёвщина, развал армии. Офицеры пустились во все тяжкие. Занимались распродажей имущества, пьянствовали, а дисциплину отдали на откуп старослужащим. Дедовщина процветала со страшно ядовитой силой. Из части два парня моего призыва не выдержали, сбежали. Одного поймали, а второй сгинул. С тестем разговариваю, ему семьдесят лет, в Североморске служил, в морфлоте.

– У вас, – спрашиваю, – дедовщина была?

– Нет, – говорит, – беспредела никогда. Если молодой забуреет, лодыря начинает гонять, таких мы учили родину любить. А если салага нормальный парень, от обязанностей не увиливает, лишнего не заставляли делать. Тем более прислуживать – стирать за тебя, сигареты тебе искать.

Нас деды старались всячески унижить. Меня с Денисом месяца два перевоспитывали. Никак не могли смириться, что мы не пляшем под их дудку. Побьют нас, мы в ответ их поколотим. Не сдавались. Я не из слабаков – метр девяносто ростом, такого кулаками окучить – это ещё надо постараться. Денис чуть пониже, но в плечах покруче, столько за свою жизнь сельской работы переделал. Они числом брали и на измор. Дошло до того, что я смотрел на часы и не мог понять, какое время суток. Днём работаешь, а ночь бессонная – покоя не дают. Они днём выспятся, ночью подавай развле-

чения.

Но мы стояли на своём, не прогибались. Чтобы брюки «дедушке» гладить, сигареты искать – ни за что. Меня отдали Володе Прохорову. Он прилетел из командировки, часть наша авиационная, часто солдат в командировки отправляли. Прохорова недели три не было, приехал, ему говорят:

– Вовка, твой молодой приборзел, надо перевоспитать, мы учим-учим уму-разуму молодняк, а ты филонишь, подключайся.

Вовка из-под Красноярска, сибиряк конкретный. На турнике выход силой на обе руки делал более двадцати раз... Я пять с трудом, он легко двадцать... В борьбе на руках, которая армреслингом зовётся, никто победить его не мог. Вовка свою гимнастёрку бросил мне:

– Постирай-ка!

Ага, думаю, держи карман шире. Но беру безропотно и в умывальник. Никогда дедам не прислуживали ни я, ни Денис. За что и получали. А тут я соглашаюсь, ни слова ни полслова против. Деды на меня уставились: что такое? Надежались, сейчас цирк начнётся. Я по своему обыкновению откажусь, а Вовка меня отрихтует. Они, если что, помогут с большим удовольствием.

– Игорь, ты чё испугался? – мой одноклассник спрашивает с сожалением.

Умывальник элементарный, большое помещение, посредине его стенка метра полтора высотой, из неё с каждой

стороны торчали краны, под ними глубокие длинные раковины, облицованные кафелем. Одна функционировала без проблем, вторая постоянно полная. Стоило сливу чуть засориться – и болото. Вода грязная киснет... Захожу я в умывальник и Вовкину гимнастёрку с порога швыряю в это болото. И ухожу. Следом дневальный заскочил. Ему пол мыть, а тряпки доброй нет. Видит – отличная тряпка купается. На швабру оперативно намотал, пол в казарме помыл.

Утром Вовка просыпается.

– Ну чё, – спрашивает, – постирал?

– Ага, – говорю, – в умывальнике на вешалке в лучшем виде ждёт тебя не дождётся.

Он пошёл, а гимнастёрка на швабре.

Я думал, Вовка полезет с кулаками, приготовился к обороне. Гимнастёрка не какая-то бросовая, добротная. Ситуация усугублялась тем, что Денис стоял в карауле. От Вовки я, может, и отмахался бы один, но если, думаю, гуртом навалятся – тяжело придётся. Вовка пошумел-пошумел, ушёл. А на следующий день подходит, я один сидел:

– Игорь, – говорит, – спасибо тебе большое. Я никогда молодых не обижал, а тут слабину дал. Пошёл на поводу у ребят... Но ты меня проучил, спасибо.

Мы с Денисом в один день дембельнулись, и наша дружба продолжилась на гражданке. Время было самое что ни на есть паскудное. Работы никакой, Денис пробовал заниматься бизнесом, да с его честностью, бесхитростностью разве

что-то могло получиться. Пытался пару ларьков открыть – прогорел. Потом устроился в пожарку на зоне. Денис вообще таёжный человек, любил охотиться, рыбачить. У его дяди был домик в тайге. И для охоты в самый раз, да и просто в лесу пожить в своё удовольствие – по ягоды сходить, грибы пособирать. Мы с Денисом не один раз ездили в этот домик на моём узике. Бывало, по неделе жили. Леса в окрестностях Якутска богатые. Сосна, ель, лиственница. Деревья статные, а под ними по земле толокнянка, брусничник ковром, и добра этого без краю. Цветы, какой ни возьми, нет анемично невзрачных, каждый наособицу броский. Саранки – ярко оранжевые лилии царской красоты, эти кучно не растут, поодиночке, а огоньки – полянами полыхают. И багульник в мае по склонам сумасшедше цветёт. В любое время года красиво в тайге. Денис, будь его воля, жил бы в ней безвылазно.

Поэтому с удовольствием ухватился за идею экспедиции за костью мамонта.

На дворе заканчивалось короткое северное лето, самое время для путешествия по первозданным просторам Якутии. Гнуса нет, ночные заморозки терпимые. Мы с Денисом пошли в отпуск. Были сборы недолги, наконец, летим в Батагай, центр Верхоянского района. Из школьной географии я знал, что Верхоянск спорит с Оймяконом, кто из них полюс холода, разница в каких-то десятых долях градуса, попробуй тут установи безоговорочного победителя. И там, и там

холода случались под минус семьдесят градусов по товарищу Цельсию. Прямо скажем, не жарко. Но эти рекорды сугубо зимнего времени года. В нашем случае стояли последние дни августа, до продолжения принципиального спора между Верхоянском и Оймяконом, кому холоднее на белом свете, было далеко, поэтому мы с Денисом пребывали в прекрасном настроении.

Батагай назывался посёлком городского типа. Посёлок каким типом не обзывай – всё одно не город. Небоскрёбов выше двухэтажек не было. Да и на кой они на Крайнем севере. Аэропорт Батагая не сразу за околицей, он, как в настоящем мегаполисе существенно в стороне, пешком устанешь топтать из посёлка до взлётно-посадочной полосы. Была она грунтовой и здание аэропорта походило на барак.

Характеризуя Батагай, я чуток забежал вперёд, по прилёту мы в сам посёлок не стали заворачивать. Торопились на кладбище мамонтов. Между собой решили, если получится на обратной дороге, заскочим в Батагай. Опять же забегая вперёд, на обратной дороге отменили мы экскурсию в посёлок, но пришлось её совершить, так как нас записали в шпионы и привезли в Батагай под конвоем. Но всё по порядку. Из аэропорта сразу направились в улус Коли-зека, считая, что главное для нас – кости мамонта, а не батагайские достопримечательности. Километрах в пяти по дороге из аэропорта развилка, одна дорога ведёт в столицу Верхоянского района – Батагай, вторая – на родину Коли-зека.

Ехать до его улуса километров тридцать. Это берег Яны. Места живописные, прямо скажем – красивые места. И Маша, Колина жена, им соответствовала – очень даже симпатичная. Среди якуток встречаются женщины настолько совершенные, что ни убавить, ни прибавить. Маша, доведись выступать на конкурсе красоты, может и не стала бы примой, но и в конец списка не скатилась бы.

Приняла нас приветливо, Коля подарки передал, мы тоже не с пустыми руками. Да не в том причина гостеприимства, душевный Маша человек, встретила, как родственников.

Я Денису ещё в Якутске сказал: прилетим, первым делом поможем хоть чуток Колиной жене. Денис горячо поддержал идею. Надо помочь женщине: муж за тысячу километров, работы в сельском доме всегда навалом. Дрова нарубить, в огороде что-то поделать, да мало ли какие надобности могут накопиться в доме, хозяин коего который год в отсидке... Приехали в улус во второй половине дня. Ладно, думаю, с дороги отдохнём, а утром часиков в шесть по холодку засучим рукава и один день посвятим Колиному хозяйству.

Как и предполагал – во дворе у Маши гора чурок, ждущих дровосека. Денис как парень с сельскими корнями технологию колки дров знал не понаслышке, не из тех, кто попережёт чурки топором тюкает. Просыпаемся в шесть часов полные азарта ещё до завтрака размяться с топорами-колунами, а вокруг тишина. Заполярье, светает рано. За ограду вышли – улус спит. В чужой монастырь со своим уставом не лезут.

Не стали топорами шуметь.

Я по маме из забайкальских староверов – семейских. Все школьные каникулы у бабушки в деревне проводил. Жизнь в староверческой деревне закипает с рассветом. Летом в четыре утра начинается движение, в пять всё бьёт ключом. У якутов менталитет другого замеса. Трудовая жизнь ближе к девяти просыпалась, а после обеда затихала до следующего дня. С первыми звуками просыпающегося улуса взялись мы с Денисом за топоры. Да так рьяно, что гора наколотых дров росла на глазах. Маша с возгласом: «Ой, спасибо! Ой, спасибо!» – бросилась складывать их в поленницу.

По улусу быстро разнеслась весть – из Якутска прибыли Колины друзья-товарищи. К нам потянулись местные жители. Узнали, что у нас нет ружья. Со всех сторон начались предложения, как так – в тайгу без ружья?! И медведь бродит, а зайчика на обед подстрелить или утку. Зачем консервы, когда мясо летает, бегаёт, по головам ходит. Якут Боря побежал домой и подогнал ружьё с патронами. Дескать, берите-берите и никакой платы не требуется. Хотя по глазам читалось – бутылка не плата, а обязательный дружеский жест за аренду столь нужного в экспедиции атрибута.

В то время колхоз в улусе ещё не упразднили в соответствии с лозунгом лукавых реформаторов «фермер нас накормит», шла сенокосная страда, в связи с этим на продажу спиртного был наложен категорический запрет. Магазин крепче уксуса ничем не торговал, местные мужчины мог-

ли махнуть рукой на мудрое изречение «день год кормит» и загулять. Для русского человека запой дело серьёзное, для представителей северных народов с их слабым на сопротивляемость к алкоголю организмом, тем паче. Боря с большим энтузиазмом принял от нас бутылку спирта за аренду ружья.

– Ой, хорошо бьёт! – нахваливал Боря ружьё (как потом выяснилось, лукавил), любовно пряча под полу пиджака литровую бутылку спирта.

Зная волшебные свойства данного напитка при решении житейских вопросов, мы прихватили с собой четырнадцать литровых бутылок сумасшедше популярного в девяностые годы спирта «Рояль». Это был бренд пьяной ельцинской эпохи. Знатoki поговаривали, «Рояль», будучи родом из цивилизованной Голландии, на самом деле технарь – технический спирт, не имеющий никакого отношения к натуральным продуктам. Это не смущало наш неприхотливый российский люд, пили «Рояль» с большой охотой и в больших количествах. Шутники окрестили процесс его употребления – «ударить по клавишам». Или – «пройтись по клавишам». Якутия не являлась исключением во всероссийской симфонии голландских композиторов.

Колин кореш Вася Зыков, о котором Коля говорил в Якутске, с удовольствием взялся доставить нас на лодке до кладбища мамонтов за то же «рояльное» вознаграждение. Договорились – одна бутылка туда и такая же плата за доставку в улус. Надо понимать, бензин лодочник не покупал, пользо-

вался колхозным.

За день мы разделались с дровами, подправили забор – сменили пару подгнивших столбиков, а утром (по нашим меркам снова не ранним) после сытного Машиного завтрака загрузились в Васину дюралюминиевую лодку «Казанку».

– Вперёд на мамонтов! – провозгласил Денис.

Взревели моторы, лодка пошла указанным курсом.

Кладбище мамонтов

Взревели моторы, два стояло на Васиной «Казанке», лодка рванула вверх по течению. Яна в переводе с эвенкийского – очень большая река. Эвенки если и приукрасили, то немного – «очень», пожалуй, лишняя прибавка, но река настоящая. С Леной, Иртышём, само собой, не сравнить, но и не Омка. Места по берегам красивейшие – тайга, горы, сопки. В ином углу горы далеко у горизонта, в другом – к самой воде подступают. Не один раз похвалили мы с Денисом себя, какие молодцы, решились на такое путешествие. Душа сладко волновалась от запахов воды, тайги, простора... Хорошо...

Душа пела-пела от окружающих красот, да и притомилась, шутка ли – целый день в лодке... Это не яхта океанская, где можно в шезлонге на солнышке позагорать, надоест – в каюте подушку придавать. Здесь сиди и сиди, час, другой, десятый. Задница немеет, поясница отстёгивается, ноги затекают. Весь день шли, даже ночь прихватили. Среди ночи Вася, вконец вымотавшись, часа на два причалил к берегу поспать-подремать. Перед этим чуть было в воду, сморённый сном, не сверзился.

– Рыбка на корм не хочу! – прокомментировал решение на остановку. – Плавать моя плохо-плохо, топор без ручки. Надо спать маленько!

– К рыбкам, Вася, тебе нельзя, – сказал Денис, – не то жена

твоя к стенке на расстрел нас поставит – мужа драгоценного не сберегли.

– Срелять она не-е-е-е – она ружья шибко боится.

– Это меня радует!

– Но дрова хорошо колет! – добавил Вася.

– Хочешь сказать, бóшки нам отрубит?

– Ага, – хохотнул Вася. – Башка-лэчигир!

– По мне лучше из ружья! – не захотел «лэчигир» Денис. –

Надо тебя верёвкой к лодке привязывать, дабы избежать ампутации головы якутской гильотиной.

Подремали на бережке, на спальниках и дальше отправились. Мы торопились кости искать-собирать, Вася – к жене, чтобы «лэчигир-башка» не сделала за долгое отсутствие. Наконец Вася направил лодку к берегу и заглушил мотор. Лодка, теряя скорость, по инерции прошла метров десять, ткнулась носом в гальку. Мы выпрыгнули на сушу, ноги, уставшие от долгого сидения, обрадовались твёрдой почве. В пляс не пустились, но были близки к этому.

Денис крикнул во всё горло, воздев руки к небу:

– Уррра!

Вот он желанный берег, куда рвались, с того самого дня, когда Коля-якут рассказал о кладбище мамонтов. Было дело – всё шло наперекосяк, мечта накрывалась медным тазиком. Дениса накрыл жестокий бронхит, мой начальник вознамерился было наложить вето на отпуск, дескать, в октябре сходишь. Но все преграды вместе с препонами победно преодо-

лены, мы в заветном месте: расчехляй орудия труда и вперёд на мамонтов.

Недолго мы уракали, пригляделись, осмотрелись, оказалось: место самое что ни на есть то, да не совсем. Даже совсем не то, каким хотели видеть. По географическим координатам – кладбищенское, на деле ископаемые останки мамонтовой фауны характеризовались поговоркой – близок локоть, да не укусишь. Излучина Яны никуда не делась, а отмель с костями находилась в подводном состоянии. Прилетели-приехали-приплыли за тысячу вёрст и вода-вода, кругом вода.

– Мы ведь не дайвингом собрались заниматься! – почесал затылок Денис, когда Вася-лодочник показал местоположение кладбища. Метр воды над ним был как минимум.

Вася принялся успокаивать: большая вода обычное дело для данного времени года, да вовсе не следует предаваться печали, впадать в панику, кусать локти – Яна через три-четыре дня войдёт в привычные берега, вода уже спадает, возделенная отмель с костями вот-вот окажется на поверхности.

Вася помог выгрузиться, вскоре звук лодочного мотора растворился в безмолвии. Мы оказались на краю света.

Противоположный берег был пологим, наш – крутой, обрывистый. Высокие тонкоствольные сосны подступали к его краю. Оголившиеся корни беспомощно пытались зацепиться за воздух. Корни на то и корни, за землю держаться. Дерево

с такой инвалидностью хороший ветер запросто может завалить, ходи рядом да оглядывайся, чтобы по голове не прилетело. Стволы нескольких крайних сосен опасно наклонились, последними усилиями держась за твердь. Скорее всего, в скором будущем им предстоит присоединиться к тем собратьям, которые лежали уткнувшись в галечник верхушками.

Между урезом воды и крутым берегом проходила неширокая полоса галечника, на неё выгрузили вещи. Прощально помахали вслед Васиной лодке рукой и принялись перетаскивать сумки, рюкзаки к заброшенному улусу. Он носил когда-то название Охсордох и стоял на высоком берегу. Домов в улусе не осталось, зато неподвластно быстротечному времени стояли два прекрасно сохранившихся загона для скота со стенами, крышей... Скотом мы себя не считали, но ничтоже сумняшеся расположились в загоне. Палатку прямо внутри его поставили. Удобно – ни ветер, ни дождь нипочём. Всё получалось, как Коля-якут нам говорил:

– Палатка на фиг не нужна! Спальник бросил в загоне и спи в свой удовольствие.

Палатка, положим, пригодилась. Ночи холодные, примусом обогревались.

Из улуса открывался вид на реку, таёжные просторы. Не захочешь да запоёшь: «А вокруг голубая, голубая тайга». Росли в ней преимущественно сосна и лиственница. Встречались посланники тундры – карликовые деревца.

– Денис, – говорю, – сейчас бы дельтаплан и парить над всем этим!

– Для начала лучше бы акваланги с гидрокостюмами, – не разделил мои полётные восторги Денис. Его беспокоила мысль о добыче мамонтовой кости.

Поблизости от загона развели костёр, вскипятили чай. Я в лодке так насиделся, что пил стоя. Заодно решил осмотреть в бинокль окрестности. За улусом была большая, заросшая травой пустошь. На одном её краю, в редком леске, как и говорил Коля-якут, было заброшенное кладбище. Дальше пустошь подходила к хорошему лесу, я скользнул взглядом по опушке. Что-то насторожило. Снова направил бинокль в ту сторону, всмотрелся. Вот оно что – медведь. Упитанный экземпляр стоял не как в цирке, здесь ему выслуживаться на задних лапах не приходилось, твёрдо попирал землю четырьмя лохматыми конечностями. Мощный загривок, круглые ушки, морда не сказать, что грозная, даже симпатичная. Нюх у потапыча не страдал недомоганием – сразу учуял чужаков и вышел поглядеть на пожаловавших в его владения. Заодно себя, хозяина, показать, дабы гости не расслаблялись. У меня сложилось впечатление, мишке не понравился мой пристальный, усиленный линзами бинокля взгляд в сторону его персоны, недовольно развернулся и скрылся в чаще.

– Денис, – говорю, – велено не расслабляться, по соседству с нами хозяин тайги обитает.

– Волков бояться, – глубокомысленно сказал Денис, – ко-

стей мамонта не соберёшь.

Рекогносцировка

На следующий день отправились на рекогносцировку. С округой познакомиться, оценить на предмет наличия костей в других близлежащих местах. Надеялись, так как Яна река крутявая, сдвигая русло, вымыла где-нибудь кости на нашу радость.

Взяли лопату, ружьё. По Чехову в тот раз не вышло: «Если в первом акте на стене висит ружье, то в третьем акте оно должно выстрелить». Мишка-топтыжка не нападал, зайцы мимо не пробегали, утки не пролетали – так что ружьё не действовало. Зато другой съестной трофеей попался. Открылась перед нами поляна в несколько футбольных полей. Синяя от края и до края по все площади. Посмотрел в бинокль – голубика. Крупная, как виноград, и видимо-невидимо на каждом кусту.

– Денис, – говорю, – пошли пособираем.

Он взял у меня бинокль и сказал, приложив его к глазам:

– Там уже собирают!

– Кто?

– На дальний край посмотри, – и протянул бинокль.

Прикладываю окуляры к глазам, а в голубичнике мишка уплетает ягоду. Тот ли, которого накануне видели, или другой экземпляр, но тоже не маломерок.

– Летом они сытые, – говорю, успокаивая себя, – на людей

не нападают.

– Хочется верить, – отреагировал на мой научный вывод Денис, – от сытости топтыгина на сладенькое разморило. Но я десерт с ним за одним столом делить не хочу. А ты как знаешь.

– Ладно, – говорю, – на обратной дороге полакомимся. Надеюсь, весь голубичник не оберёт лохматый проглот!

– Гля, – хохотнул Денис, – мишка тебя на стихи подвигнул: «Не оберёт лохматый проглот!» Хорошо сказано. Будем надеяться – не оберёт!

Кости мамонта, как мы ни осматривали во все глаза окрестности, в надежде – вдруг бивень торчит из берега или ногами валяется, не удалось обнаружить. Ни бивня, ни куска его, ни челюсти, ни любой другой кости ископаемого животного. Будто мамонтов в помине никогда не водилось в данных краях.

– Денис, – успокаивал я друга и себя, – не расстраивайся. Мамонты следили за порядком, где в голову взбредёт не умирали. Правила строго соблюдали, как приписала природа к конкретному месту: вот вам кладбище, – так и шли на указанную площадку. В природе всё продумано и экологично. Это человек, куда ни ступит, гадит почём зря да норовит в больших количествах.

– Я так и понял, – не возражал Денис. – Но из всех правил бывают исключения. Вдруг какой мамонт не рассчитал силы не дотянул до кладбища, упал по дороге. Валяется скелет в

одинокестве, а тут мы с тобой...

– «Вдруг» не считается. Коля-якут что говорил – на кладбище костей как грязи.

– Только грязь вся под водой. Ты уверен, что вода спадёт и «грязь» предстанет перед нашими очами полная костей?

Конечно, не был я уверен, посему промолчал.

Ушли мы километров за десять от стана. Денис, будучи в тот день дежурным по кухне, собираясь в радиальный маршрут, не стал следовать мудрости «хлеб сам себя несёт», решил по минимуму взять еды, чтобы легче идти. Опять же из соображения: кости мамонта попадутся, больше места в рюкзаке. Горсточку крупы взял и банку консервов. Готов был пришибить его. Этого, может, и хватило бы, но Денис начудил... Развёл костёр, вбил рогатину, положил на неё длинную палку-жердину, один конец воткнул в крутой берег, на второй повесил котелок. Хлипкая получилась конструкция. И рогатина жидкая, и палка толком не закреплена.

– Денис, – говорю, – перевернётся!

– Не беспохлёбся! Всё будет окейно!

Суп был почти готов, когда Денис запнулся за жердину, своротил рогатину, содержимое котелка ухнуло в костёр.

Я разворчался-разнылся, самому потом стыдно было. Вот, мол, говорил тебе, перевернётся, нет, надо по-своему сделать. Проголодался, конечно, не то слово. Километров десять протопали по тайге, а это не по асфальту, то яма, то дерево поваленное, то вообще не пройти, кругалю дать надо, в

обход топать. Я без того поесть со страшной силой люблю, а тут просто зверский аппетит нагулялся, а весь суп в костре. Изворчался на обратном пути, Денис даже бросил в сердцах:

– Если бы я знал, Игорь, какой ты нытик – ни за что с тобой не поехал!

Это была первая наша размолвка.

Голубику ели, разойдясь в разные стороны, благо мишка-топтыжка к тому времени подсластил сытую жизнь, покинул ягодные уголья.

Утино-заячья охота

Я на Дениса надулся из-за супа, он на меня из-за охоты. Денис – охотник, я в этом деле чайник. Глаз не той меткости, рука не той твёрдости. С Саней-охотником, о котором речь ниже, Дениса не сравнить, но Саня – феномен, таких единицы на тысячу охотников-профессионалов и промысловиков, Денис среднестатистический охотник-любитель, коих сотни тысяч. Он охотник, я – чайник. На второй день экспедиции мы надумали разнообразить пищевой рацион зайчиком. Заняться было нечем, ждали у моря (вернее – у Яны) погоды (точнее – спада воды). Ждать и догонять – хуже нет ничего, посему решили скрасить томительное ожидание вкусным обедом. Денис как главный охотник экспедиции деловито взял ружьё и отправился добывать зайчатину.

– Мы в тайге или где, – сказал, сунув в карман несколько патронов – тушёнкой себя травим, когда зайцы по головам ходят!

– Согласен! – не стал я возражать!

Добывал Денис ходящих по головам зайцев бесконечно долго – часа четыре. Пару раз доносились выстрелы из леса. Два-то зайца зачем, подумал я. Однако зря беспокоился, Денис ни одного не принёс. Вернулся с испорченным настроением. Не любил проигрывать. На следующий день снова пошёл на промысел, доказывать своё охотничье мастерство. И

снова вернулся ни с чем.

– Денис, – взял у него ружьё, – ничего ты в заячьей охоте не петришь, схожу-ка теперь я! И вот увидишь – подстрелю какого никакого зайчишку.

– Иди-иди! – скривился в улыбке Денис. – Косые сидят и ждут, когда такой вот городской умник пожалует.

Я, конечно, блефовал, и всё же верил в свою удачу. Когда-то читал: зайцы бегут в гору. То, что зайцы есть в округе, сомнений ни у меня, ни у Дениса не возникало. Видеть мы их не видели, к нашему огоньку не выскакивали, зато слышать, как они носятся, доводилось не один раз. У костра сидишь с кружкой чая, наслаждаешься таёжным покоем... Тишина, аж в ушах звенит, вдруг характерный топоток – заяц на рысях прошёл. Чу – ещё один несётся. Зайцы пешком, как известно, не ходят, а в вечной мерзлоте хорошо слышна поступь. То есть, не какой-то там залётный пробегал, постоянно шныряли вблизи нашей стоянки, будто издевались над нами.

Неподалёку от заброшенного улуса возвышалась серьёзная гора. Если в этажах мерить – пятьдесят не меньше наберётся. Миллионы лет назад это был берег могучей прапра Яны. Градусов сорок пять склон горы, лесом поросший. Учитывая особенность зайцев, предпочитающих бежать вверх – я поднялся на середину горы и пошёл по склону вниз. Расчёт оказался верным, потенциальные трофеи ринулись снизу вверх прямо под выстрел. Зайцы хоть и о четырёх лапах, в

гору им тоже бежать энергозатратно. Два молодых зайчишки добежали до середины склона и порядком подустали, тут я выхожу из-за деревьев, здравствуйте, други лесные. Расстояние между нами метров десять, зайцы уставились на меня в недоумении, что за существо неведомое перед их косыми очами. Им бы сигануть в сторону, они дурачки глупые, ждут, что дальше будет?

Картина со склона горы открывалась знатная. Тайга во всю ширь, лента Яны серебром режет сосново-лиственничную зелень, несколько озёр пятнами разбросаны, и солнце закатом полнеба зажгло... Поэзия, если вдаль смотреть, а если перед собой – проза: зайчишки серые замерли в ожидании своей незавидной дальнейшей судьбы. И убивать жалко, и Денису хочется доказать – я не последний чайник в охоте. Ружьё поднимаю, можно было одним выстрелом обоих уложить, рядышком сидели. Один вовремя сообразил, чем грозит ружьё – прыгнул в кусты, второго я шлёпнул.

Дробь у меня была «тройка», а для зайца и «полторашка» пошла бы. Выстрелил я метко. Когда ели зайчатину, то и дело дробинки попадалась. Денис ворчал:

– Неправильно стрелял, почти вся дробь в него ушла.

Я сдержал себя, чтобы не испортить Денису аппетит, промолчал, мол, надо было самому метко стрелять.

Дениса моя удачная охота раззадорила: с первой попытки я за какой-то час добыл зайца. Он в третий раз пошёл за зайцем и снова впустую.

– Поднимись на гору, – пытался убедить его в своей методе, – и навстречу зайцам спускайся, их там как грязи.

– Не учи учёного! – не хотел слушать советов Денис.

В конечном итоге разочаровался в зайцах, отправился за уткой.

Вдоль горы, на которой я зайчиков добывал, тянулось болото. Коварное само по себе, во многих местах поросло изумрудной травой-муравой обманчивой красоты, на которую лучше не наступать – нога проваливается, как в пустоту. Ухнешь с головой и поминай, как звали.

Денис ушёл с ружьём и ни слуху, ни духу. Часа четыре миновало, сумерки сгущаются – нет друга. Денис напрямую не сказал, что целенаправленно идёт на утиную охоту, буркнул уклончиво: заодно уточек посмотрю. Два или три выстрела раздались, мне показалось – в районе болота. И нет Дениса. Надо, думаю, идти искать. В сторону болота кричу: «Денис! Денис!» В ответ тишина. Всякие мысли полезли в голову...

Когда наткнулся на него, торчал из болота. По грудь в трясине. Банальная охотничья ситуация: подстрелил утку и полез за ней. И врюхался, мама не горюй.

– Ты в своём уме? – говорю. – Нельзя было позвать меня? Ору на всю округу, он молчок! Тебя засасывает!

– Сам выберусь! – буркнул в ответ Денис.

Но чуть шевельнулся, ещё глубже увяз.

У болота торчало с десятков сухостойных сосёнок. Одну выломал, протянул утопающему, да лесина трухлявая оказа-

лась. Тогда сразу две сунул Денису, вытащил его.

Ему бы радоваться, он дуется. Зайца не убил, утку не достал и опозорился – в болоте провалился.

– А мне каково было бы! – отчитал его. – Прикинь, ты по своей дури утоп, а мне как потом жить – друга не уберёг.

– Без тебя выбрался бы!

– Ага с помощью кикиморы! Пощекотала бы за пятки, ты от хохотунчика вылетел бы из жижи...

Кладбище мамонтов

Вася-лодочник не обманул – вода убывала. Подобно сказкам, в которых фигурирует магическое число три, через три дня Денис вылез утром из палатки, и огласил округу победным криком:

– Ур-р-р-а-а-а-а!!!

Взору явилась долгожданная отмель.

Яна река с норвом, особа, которая сама не знает, что ей надо в каждый следующий момент: то влево её потянет со страшной силой, едва не под девяносто градусов заложит поворот, и тут же теряет интерес к выбранному направлению, начинает с такой же категоричностью вправо забирать. Один из своих круть-верть фортелей делала в районе улуса, крутой дугой очерчивая каменистую отмель. Почему-то именно сюда мамонты шли умирать. Будь на нашем месте профессионалы с помпами для размывания грунта, они могли много чего добыть из костного материала. У нас весь шанцевый инструмент состоял из единственной штыковой лопаты. В принципе ей тоже много чего можно накопать, да не в вечной мерзлоте. Верхний слой на глубину штыка ещё поддаётся, дальше монолит, с таким же успехом можно гранит лопатой копать.

В первые часы поиска азарт охватил как золотодобытчиков, которые за каждой блёсткой ждут золотые жилы. Мы в

каждой деревяшке, торчащей из берега, видели кости. Сразу попало пару бивней, к сожалению, не товарных, растрескавшихся, много было зубов, берцовых костей, обломков челюстей, рогов каких-то быков или буйволов. Но и отличный бивень нам попался. Бивни – самое ценное из костей мамонта, они идут на поделки, зубы тоже, но с ними мало кто возится, неподатливый материал, очень твёрдый. На то он и зуб.

За четыре дня натаскали гору костей метра в полтора метра высотой. Понятно, столько добра с собой за тысячу километров не утащишь. Вдобавок от жадности натаскали что надо и не надо. Те же берцовые кости, куда они нам, челюсти мамонта тоже не к чему... Товарные бивни распиливали на куски сантиметров по сорок длиной – готовили к транспортировке.

Наконец мы сказали своей жадности «хватит». Принесли с кладбища мамонтов последнюю партию костей, свалили в общую кучу. Сфотографировали её для документального подтверждения, если кто усомнится в плодах нашей экспедиции. Затем Денис принялся сооружать из трофеев трон. Я отправился готовить ужин, дежурил в тот день, а Денис занялся троностроительством. Завершив его, позвал, дурачась:

– Ходи на мой сторона, фотосессия будем мал-мал щёлкать! Ты мал-мал меня снимай! Я мал-мал тебя фоткай.

Расчехлил фотоаппарат, и мы устроили фотосессию под

названием – мы на троне.

– Из царей-королей, интересно, кто-нибудь сидел на троне из мамонтовой кости? – изображал из себя царя-короля Денис.

Он требовал снимать себя и в фас, и в профиль, садился, подперев голову кулаком, как великий мыслитель. Трон получился величественным, и Денис не хуже короля восседал на нём, только что лысина портила королевский вид, коронной бы её прикрыть, да не было под рукой.

Пощёлкали друг друга для истории, после чего Денис предложил:

– А давай по полтяшку «Рояля» примем за успех нашего дела!

– Победу грех не вспрыснуть! – не стал я возражать конструктивному предложению друга.

Правда, победа едва не сорвется в Батагайском райотделе милиции...

Саня, Чолбон и «Рояль» со стрельбой

Мы только-только сели за стол, нацелившись «Роялем» отметить успех экспедиции, как в нашу походную идиллию вторгся Саня-охотник! Первое его появление в кадре выглядело более чем эффектно: верхом на лошади, за спиной ружьё, грудь в патронташах. Помните революционного матроса из героических фильмов, грудь коего крест-накрест перепоясывали пулемётные ленты. Саня был оснащён боеприпасами аналогичным образом. Патронташи на груди, поясе, даже к седлу приторочены, будто наездник держал путь на тяжёлую войну, при этом не верил в подвозку снарядов к линии фронта, надеялся только на свой арсенал. Несколькоими мазками нарисуем портрет воинственного героя. Саня не отличался богатырским телосложением, ростом как раз наоборот – парнишка и парнишка. Коррективу в предполагаемый возраст вносило лицо, по нему читалось – «парнишке» под сорок. И грудная клетка не подростковая – могучих размеров. У якутов по причине дефицита кислорода в морозной северной атмосфере лёгкие отличаются повышенным объёмом, отсюда грудная клетка раздаётся в добрый ящик.

– Дорообо, – весело крикнул Саня, вплотную подъехав к нам.

«Дорообо» – это «здравствуй» по-якутски.

– Здорово-здорово, коль не шутишь! – поприветствовал я

вооружённого до зубов гостя.

Лошадь у Сани якутская, как раз под его рост. Я потом прокатался на ней, с моими метр девяносто, едва земли не доставал пятками. Этакий маленький лохматый коник. Хвост до земли, грива длинная, чёлка на сторону, как у шкодной девчонки, один глаз закрывает. Сложной многоцветной масти, сочетающей в себе бело-рыже-серо-коричневые цвета. Животина лучше не надо для якутов. Неприхотливая, выносливая, с голоду не пропадёт ни летом, ни зимой. Сама отыщет под снегом, что пожевать.

Третьим лицом в Саниной компании была лайка.

– Чолбон, – указал на пса Саня.

Лошадь не посчитал нужным представить, собаку сразу после себя назвал.

Чолбон – яркая звезда в переводе с якутского. Звезда сделала вид, что мы её ни капельки не интересуем, села в сторонке, лишь кончики ушей подрагивали, не совсем индифферентна была – прислушивалась к разговору.

Саня своим появлением сыпанул в наше путешествие колорита аж через край... Без Сани было что вспомнить, но не столкнись с ним, данное повествование вышло бы на порядок скучнее... Добавил Саня перца с солью... А вообще душевный человек. Никогда обиды на него не держал. Патриарх Кирилл, совершая поездку по российским окраинам, побывал на Дальнем Востоке и в Якутии, эту черту коренного населения точно выразил – детскость. Местный житель

смотрит на мир, как ребёнок. В городах якуты меняются, как и русские, и не в лучшую сторону, в глубинке по-прежнему открыты, доверчивы, по-детски непосредственны. Скорее всего, в городах в ранешные времена коренные народы тоже отличались детскостью, да цивилизация на свой лад подрихтовала. А в глубинке бесхитростные остались, он тебе последнее отдаст. Читал, бухгалтерша ограбила оленеводов. Два или три миллиона украла. За полгода зарплату получила и исчезла с деньгами. У оленеводов мысли нет, что воровка, посчитали, человеку шибко надо было, потом отдаст, а мы не пропадём. Она прикарманила и дёру на большую землю, а они ждут, приедет с деньгами.

Когда патриарх назвал детскостью это качество северных народов, я первым делом Саню вспомнил – про него.

Саня, широко улыбаясь, ещё раз поздоровался, на этот выкрикнул:

– Дорооболонун.

Это в переводе «здравствуйте все» или «привет всем».

– Привет-привет! – сказал Денис.

Искренне ему обрадовались. В диком безлюдном краю – человек. Да ещё охотник. Извечное наше непостоянство, вечная неудовлетворённость: от человеческой колготки рвёмся на край света, оказавшись на краю – начинаем маяться от безлюдья.

– Саня, – спросил Денис, – ты чё как матрос с «Авроры», весь в патронах?

– Надо, – уклончиво прозвучало в ответ.

Скорее всего, Саня хотел произвести на нас неотразимое впечатление. Как модница, готовясь к выходу в свет, в пух и прах наряжается, дабы сразить всех наповал, так и Саня – дескать, знай наших! И уважай хозяина местных угодий. Конечно, не на охоту он обвешался боеприпасами. При его уникальной меткости с таким арсеналом гору дичи настрелял бы. Да куда ему та гора? Куда? С утками вообще не возился, зайцев стрелял по мере надобности. Захотел зайчатишки – подстрелил, приготовил (готовил их Саня обалденно!), употребил. По теплу уж точно впрок не стрелял.

Надо сказать, Сане удалось произвести на нас в тот памятный вечер неизгладимое впечатление. Грохот канонады по сей день в ушах стоит. Но всё по порядку.

Саня нарисовался в самое время – к ужину. По закону тайги пригласили гостя разделить трапезу. Саня не стал отказываться даже для приличия. Сразу принял приглашение. Здесь мы совершили роковую ошибку, едва не стоившую нам жизни – достали спирт. Вася-лодочник не один раз предупреждал: если Саня-охотник придёт – ни под каким видом не наливать. Случись что с ним по нашей вине (краёв в выпивке не знает) – нас в улусе линчуют. Скрываться от возмездия бесполезно. Улус на обратной дороге нам не миновать. Поэтому, говорил Вася-лодочник, если жизнь дорога, не наливать. Как пояснялось выше, в связи с летними сельхозработами в районе зверствовал сухой закон. Запретный

плод – даже если он горькая водка – всё одно сладок, на алкоголь имелся повышенный спрос.

– Саня вас обязательно найдёт, – пообещал Вася-лодочник. – Он всё, что в тайге творится, знает.

Подозреваю, Саня и появился в надежде на запретный плод с большой земли. Что такое алкоголь для северных народов, организм коих не имеет к нему иммунитета, мы знали, но как-то не подумали и предупреждения Васи-лодочника проигнорировали. Бутылка спирта литровая. Мы с Денисом выпили немного за успех нашего дела и сказали себе: хватит. Саня иначе смотрел на веселящий душу напиток. То и дело понукал:

– Наливай хорошую!

Нам бы сказать: «Лавочка закрывается, бутылка затыкается». Нет, мы демонстрируем хлебосольство и радость встречи с аборигеном.

Первым предупреждающим знаком стало резкое сужения запаса русских слов в Санином словаре. Его речь без того гладкой назвать было нельзя, с каждой порцией спирта (пусть и разведённого) начала стремительно терять стройность. Якутских слов звучало больше и больше, они лавинообразно вытесняли русские. Я хорошо понимаю по-якутски, да у Сани деревенский диалект, в городе по-другому разговаривают. Вдобавок алкоголь подкосил дикцию. Якутский язык чем характерен – одно и то же слово имеет разные значения в зависимости от того, куда поставлено ударение. Са-

ня частил настолько неразборчиво, что за ударами уследить было невозможно. Понятно дело, охотник намолчался в тайге, с Чолбоном много не поговоришь, а тут свободные уши появились – как не выговориться. Тараторит-тараторит, что-то спрашивает, а мы глазами хлопаем, понять ничего не можем.

Наша непонятливость начала Саню нервировать. Душа, измолчавшаяся в таёжном одиночестве, просила диалога. Он рассказывает, объясняет, руками жестикулирует, мы сидим с глупыми физиономиями, не знаем в каком месте, как реагировать: где смеяться, где поддакнуть, где головой сочувственно покивать...

Я, утомившись от Саниного потока сознания, поднялся с намерением оживить костерок. Дров мы, пока ждали спада воды, заготовили с запасом, дабы потом не отвлекаться от сбора костей. Нарубили толстых веток, в поленницу сложили. Мы, надо сказать, основательно обжились на стоянке. Аккуратное место для костра оборудовали с рогатинами, палкой-перекладиной, пару бревёшек притащили в качестве сидений, поодаль от кострища поленница. Я к ней подошёл, набрал беремья дров, вдруг – бабах! Выстрел. Поворачиваюсь – война: Саня отскочил от костра, стоит с ружьём наизготовку. Денис тоже на ногах, в широко раскрытых глазах вопрос – что дальше? Саня первым выстрелом под ноги ему из ружья саданул. Но добивать не стал, развернул ствол в мою сторону, обозначив свои намерения воевать на два фронта. И

жахнул в поленницу, только щепки полетели за моей спиной. Я разом потерял интерес к костру, прыгнул в сторону загона, нырнул в палатку, схватил ружьё, просунул ствол между жердинами стены и выстрелил вверх. Продемонстрировал Сане, что мы тоже не фигурки воробьям крутить прибыли в его владения.

Саня со всей серьёзностью отнёсся к наличию у нас огнестрельного оружия, проворно отбежал метров на пятьдесят от костра к поросшему мхом пню, упал за него. Денис тоже время терять не стал, поспешно удалился с линии огня, запрыгнул в загон.

Загону дал бы лет пятьдесят, Денис, как сельский житель, считал – больше. Построен был из жердей, они обмазывались смесью из конского навоза, глины, соломы. Крыша плоская, боковые стены из вертикально (чуть под углом) стоящих брёвен. В сечении получается трапеция. Для теплоизоляции на полу делалась подушка из навоза. Умеют якуты строить: сколько лет крыше – ни одной капли в дождь не просачивалось. И стены нисколько не подгнили. Было три стены – две по бокам, одна с торца. Саня садил из ружья по торцевой.

Утопанный пол был ниже уровня земли, мы как в окопчике лежали. Рядом с палаткой прижались к земле. Санин пенёк-укрытие как раз напротив торцевой стены, ей больше всего досталось.

Саня потом скажет:

– А-а-а! Это я вас пугал маленько.

Хорошее пугание! Торцевую стену загона всю продырявил и палатку в решето превратил. Сначала Саня дробью бил. Мы лежим, головы не поднять, но Денис, как матёрый охотник, присутствия духа не терял, вёл комментарий обстрела:

– «Троечкой» долбанул! О, крупней пошла – «пятёрочка»!

Дробь-то ладно, застревала в жердях. Вдруг бабах и щепки нам на головы полетели.

– Пуля майер! – определил Денис.

Пуля не дробь – вырвала кусок из жердины, сделала дыру сантиметров в пятнадцать диаметром. Лежим в опилках, в трухе от замазки, которой когда-то заделывались щели между жердями. Дышать нечем – пылица. А Саня шмаляет...

Вдруг пальба прекратилась. Ну, думаю, наконец-то, кончились патроны. Поднимаюсь, смотрю в образовавшуюся пробоину, а Саня, как в ковбойских фильмах лошадь подозвал, она послушно подбежала. Саня, по-прежнему лёжа за пеньком, руку поднял, за верёвочку дёрнул – патронташ, прикреплённый к седлу, упал. Я тут же молниеносно упал на землю. И вовремя, пуля пробила очередную дыру в стене.

Наконец Саня расстрелял все патроны. Пьяный-пьяный, а бдительность не потерял, помнил, что у нас ружьё. Прячась за кустами, отполз в мелкий лес и ушёл. А слышимость... Известный приём, к рельсу ухо приложишь, при-

ближающийся поезд слышно. Так и по вечной мерзлоте звук далеко идет, за три километра слышно. Там сучок треснул, там шаги. Человек идёт или лошадь... И заяц, если большой. Про медведя и говорить нечего. Одну ночь топтался поблизости, в обнимку с ружьём спали... Ночью вообще тишина в тайге. Зверьё тихо сидит, рыси, совы на охоту выходят. Это утром птицы начинают заливаться...

Саня отполз в сторону горы, вдруг оттуда раздалось горловое пение. Саня, настрелявшись, перешёл к народному творчеству. Идёт, поёт на всю тайгу. В район голубичника ушёл. Это километра два от нас. Кстати, за клубничником стояла охотничья избушка. Не Санина. Давно заброшенная. Я думал, он туда пошёл ночевать, как потом выяснилось – нет. Орал-орал песни и затих. Начало сентября, днём плюс двадцать градусов – хорошо, а ночью температура до минус пятнадцати опускалась – плохо. К утру Яна по берегам ледком покрывалась. Мы примусом палатку грели. Тепло было спать, пока Саня палатку не продырявил, с пробоинами кочегарь, не кочегарь – то же самое, что Якутию примусом греть.

Саня спел весь свой репертуар, затих, я с час полежал, потом забылся сном. Среди ночи слышу – шаги. Я ружьё схватил, из загона выполз, за пенёк улёгся. Приготовился к встрече. Денис с его железными нервами не проснулся. Как только Саня ушёл, он завалился спать. У меня сна ни в одном глазу, а ему хоть бы что – уснул, как у родной мамы на перине. Я

лежу, себя накручиваю: Саня при его неадекватности возьмёт и пристрелит нас сонных или прирежет. Наконец провалился в сон. Спал чутко, потому и услышал сквозь сон – кто-то приближается.

Ночи стояли ещё короткие, светало. Картина появления знаменитого охотника Сани была наполнена скорбными красками. Вчерашней Саниной победности как ни бывало. Шаггал понуро, выглядел облезло. В кильватере за ним следовала лошадь, в самом конце шествия плёлся Чолбон. Саня был без ружья, это придало мне уверенности, я встал из-за пенька и скомандовал:

– Руки вверх!

На Саню страшно было смотреть. Спал не в избушке, на голой земле... Где сморил сон после «Рояля», стрельбы и художественной самодеятельности, там и упал. И примёрз к земному шару. Удивляться тут нечему – мороз был нешуточный, градусов десять-пятнадцать. Хоть и пламенно играла в Саниной крови музыка «Рояля», всё равно от сапог до головы примёрз к земле-матушке, траве-муравушке. Как лежал на боку, так и прихватило по всей длине – ни встать, ни сесть, будто гвоздями прибитый. Собрал Саня в кулак всю волю, оставшиеся после бурного вечера со стрельбой и ударами по клавишам «Рояля» силы... Оторвал себя от планеты, поднялся на ноги. И явил собой живописную картину. Как Чолбон нюх свой драгоценный не потерял от жуткого вида хозяина. Весь Санин левый бок (от голенища сапога до

кудлатой головы) был в намертво примёрзшей к нему траве... Она свисала куделями с Саниного тулова. Даже небритую щеку украшал клочок травы. Волосы всклокочены... Леший и леший.

И весь-то Саня будто усох за ночь, скукожился. Стоит передо мной, плечи в голову втянул – замёрз до последней степени. Глаза лихорадочно горят – похмелье бьёт. Картинка не для слабонервных.

На моё требование руки безропотно поднял, стуча зубами и с трудом вспоминая русскую речь, доложил:

– Моя тайга далеко-о-о-о ходил, замё-ё-ё-ёрз!

Жалостно-жалостно протянул «замё-ё-ё-ёрз». И дальше продолжил сетовать на жизнь горемычную:

– Друзей нет! Никого-никого нет! – плакался Саня. – Про вас вспомнил...

Вспомнил не покаянно, не для принесения извинений, что держал полвечера на мушке, аж ружьё перегрелось от пальбы по новым друзьям, вспомнил о «музыкальных запасах».

– Дайте опохмелиться! – закончил свой монолог страдальца.

И смешно на него глядеть и жалко.

– Ружьё где? – спрашиваю.

– Тайга ходил, потерял.

Так я и поверил этой басне. Не может охотник ружьё потерять. Сообразил Саня, что за опохмелкой с ружьём ходить

не с руки.

– Нож, – говорю, – давай.

Чолбон зарычал на меня, начал яриться, не понравился мой командный тон. Подозреваю, пьяного хозяина не любил. Но рычал не на него – на меня.

– Успокой собаку, – сказал Сане.

Саня короткое бросил Чолбону, достал нож, под ноги мне кинул.

От нашего диалога проснулся Денис.

Время спать бы да спать, да делать нечего – надо Саню лечить, раз наша вина в причине его болезни. Налили спирта, покормили, чаем напоили. Решили ещё поспать. Саня лошадь привязал к коновязи... У загона сохранилась коновязь с тех времён, когда улус был обитаем. Я с детства не видел коновязи, а тут вот она. Ветхая, надо сказать, вздумай Санина лошадь уйти, стоило дёрнуть посильнее.

На ночлег расположились в палатке. С учётом Саниного боевого характера – положили его между собой. Так сказать, двойной пограничный контроль.

Я показал Сане на дыры в крыше палатки:

– Видишь, что настрелял! Ладно, дождь здесь не страшен, а уйдём отсюда – палатку ставь не ставь, толку никакого.

Сане сказать в своё оправданье было нечего, похлопал глазами, мол, виноват.

Остаток ночи провели как три неразлучных друга. Поначалу сон ко мне не шёл, потом Саня начал похрапывать, я

успокоился и забылся. Утром поднялись, позавтракали. Саня просил налить, только мы поступились принципами радушных хозяев – твёрдо отказали: погуляли, полечились и баста. Мне показалось, Чолбон порадовался данному обстоятельству.

В планах того дня перед нами стояла грандиозная задача – постройка плота. Кости мы собрали, значит пора сплавливать вниз по Яне к ещё одному кладбищу мамонтов, на которое указал нам Коля-якут. Саня, сев на лошадь, уехал, мы приступили к сооружению плота.

Собирали его исключительно из сухих валежин, что рекой нанесло. Сантиметров в пятнадцать диаметром брёвна подобрали, связали поперечинами и получился настил, сверху второй сделали, между ними по-хорошему пенопласт бы проложить, да где его взять. В результате двуслойный плот получился. Для вещей сделали площадку, поднять поклажу выше уровня «палубы». Сиденья смастерили, два весла. Руля не было. Вполне плот получился. Правда, километров через пятнадцать брёвна намокли, осадка плавсредства увеличилась. Тут-то настил для вещей и пригодился.

Я чуток, по своему обыкновению, вперёд забежал. Сооружение плота началась с того, что не успели первые валежины подтащить, Саня объявился. Пришёл без лошади, с одним Чолбоном и вполне конкретным желанием.

– Опохмелиться дайте, – попросил. Причём требовательно.

Короче: праздник тот же, день десятый.

Мы категорически не поддержали «день десятый», как Саня не хотел продолжения банкета.

Убрёл не солоно нахлебавшись, что-то ворча себе под нос.

Я думал, смертельно обиделся. Ничего подобного, на какой-то час обиды хватило. И снова за опохмелкой приплёлся. И так раза четыре, сокращая паузы между визитами. Наконец, Денис сдался:

– Саня, ты меня замумумкал!

Денис пошёл к стану, достал бутылку, плеснул в кружку. Саня повеселел, приняв лекарство.

– Хорош едрёна вошь! – оценил то ли спирт, то ли состояние организма после его принятия.

Однако через час организм потребовал ещё «хорош».

Не зря говорят, незваный гость хуже татарина. Саня-якут не лучше был, он отвлекал от постройки плота. Удовлетворяя его просьбы, приходилась подниматься с берега к табору, доставать бутылку, наливать... Саня был не из тех клиентов, кому можно доверять:

– Наливай сам!

Раз семь или восемь приходил. Три раза налили граммов по пятьдесят. Мы планировали утром отчалить, торопились с плотом, а тут Саня над душой стоит. Выпьет, уйдёт, полежит где-то и снова к нам.

В конечном итоге дали ему полбутылки чистого спирта с условием:

– Саня, ты сейчас садишься на лошадь, едешь домой, там с закуской опохмелись хорошо! В тайге не пей! Договорились?

– Да-да-да, – с честными глазами пообещал Саня, крепко сжимая в руке заветную бутылку, – дома закуска, тайга не буду, не-е-е-е...

– Случись что с тобой, нас обещают линчевать твои земляки.

– Ага, – сказал Саня.

Вскоре из тайги раздалась громкое горловое пение счастливого человека. Вот тебе и «ага».

В гостях у Сани

Принимая дорогой подарок объёмом в пол-литра спирта, Саня ответным жестом пригласил к себе в гости. Не из вежливости, будете проходить мимо – проходите, твёрдо заверил – на берегу на видном месте оставит путеводный знак: шест с красной тряпкой на конце.

Жил Саня километрах в пятнадцати от нашей стоянки. Дом с воды не увидишь, стоял на высоком берегу за полосой густого леса. По тропинке поднимаешься от воды, метров триста через лес и открывается озерко, на берегу Санин дом. Вернее – домик.

Не очень мы поверили в Санино приглашение, считая, мало ли что пьяным языком не пообещаешь, однако длинный шест с куском красного полотна призывно торчал у воды. Не захочешь да увидишь.

Встретил гостей Саня не с распротёртыми объятиями, встретил ворчанием. Спирт он выхлестал по дороге домой, вторую ночь подряд спал на земле. То есть, мы виноваты в его дискомфортном ночлеге.

– Да ты нас измором взял! – возмутился Денис. – Мы плот мастерим, торопимся, он через каждые полчаса «дайте опохмелиться». Надоел хуже горькой редьки! И мы ещё крайние!

– Зачем мне совсем пьяный пить давал? – ругался Саня. –

Замёрз крепко! Бока болят теперь.

Позже меня осенило: Сане по большому счёту в данный момент наплевать было на бока, он прозрачно намекал на компенсацию за урон его здоровью. Компенсацию, выраженную в том же спиртовом эквиваленте. Мы прозрачных намёков не поняли, да и не собирались угощать, свежи были в памяти огнестрельные события. Саня хоть и ворчал, обедом накормил отменным. Главное и единственное блюдо – зайчатина! Но какое! Бесподобное мясо. В чём-чём, в зайчатине я разбираюсь. Сам бессчётное количество раз готовил, но такого мяса, как у Сани, не ел.

Сразу не понял, в чём поварской секрет. А потом заглянул в казан и понял секрет блюда... Он зайчика сварит, мясо достанет, жир не выбрасывает. Следующего зайчика туда же, воды добавит... Каким бы зайчишка худым ни был, он жир предыдущего собрата впитывает и получается всё рано мясо не сухое. Плюс Саня травок бросит... И не опорожняет казан, пока жиром не наполнится до краёв, когда уже зайчика не впихнуть. Только тогда заячий жир вываливает в озеро, и процесс запускается по новой... Закладка может раз десять продолжаться...

Якуты спецы по мясу. Берут, к примеру, оленью ляжку засыпают солью... Не варится, не коптится, просто в соли лежит месяц и другой, и третий, всю зиму засаливается. Лишней соли мясо не возьмёт, а получается очень вкусно. Такая оленина несколько лет может храниться, ничего с ней не

делается. И вкус отличный. И рыбу умеют готовить. Лучше якутских карасей нигде не ел. Ни в Сибири, ни в Забайкалье. Причём, не потрошат. Жирные да обалденно вкусные.

Что ещё привело в восторг – наличие хлеба. Не Саниного замеса – привозили ему. Настоящий деревенский хлеб. Я, грешным делом, падок на хлеб, десять дней до этого сухарями давился и вдруг...

При виде любимого продукта у меня вылетело:

– Саня, а я ещё колебался – заезжать в гости или ну тебя на фиг! Ещё пристрелишь... Да за хлеб я полжизни отдам!

Мне булку замолоть ничего не стоит. К чаю на дух не надо булочек, пряников, печенья – хлеба дай и все дела. Имеется дома первое-второе или нет, тоже не проблема – был бы хлеб. И побольше! В армии сослуживцы потешались надо мной, из столовой иду, обязательно пару-тройку кусков хлеба в карманы суну. Котлеты на хлеб менял, когда в части пекарня сломалась. Жена ворчит, сколько ни купи – хлебница через пару часов пустая. Санин хлеб сразу прибавил мне оптимизма.

Избушка у Сани рубленая и крохотная, три на три метра внутри, или около этого. В три окошка. Два по одной стене, третье – на другой. Тоже крохотные – сантиметров сорок на пятьдесят. Потолок низкий, Сане в самый раз, гоголем ходит, я в три погребели, скорчившись, перемещался. Без сеней. Дверь открываешь и вот она Якутия. Задвижка деревянная на двери. Крыша двухскатная, тёсом крытая и мох сверху,

для тепла. Небольшая печурка из кирпича сложена, труба от неё тоже кирпичная, плита чугунная с двумя конфорками, площадь такая – только-только казан поставить да чайник. Термоядерная печурка, два полешка Саня бросит и Ташкент. Лежанки вдоль стен, стол – весь мебельный набор.

Из дворовых построек сарайка для дров. Это при том, что у Сани лошадь в хозяйстве. Для неё плохонького навеса не устроил, конюшни тем более... Коник жил в спартанских условиях. Хорошо, северные лошадки неприхотливые, на снегу спят, под снегом корм находят. Но навесик-то можно было скотинке смастерить. Заказать в конце концов. Саня дом не сам ставил, нанимал. Мужики из улуса собрали. Даже забор дощатый начали вокруг дома городить, да так и не закончили, столбики вкопали, поперечины по всему периметру прибили... То ли пиломатериала не хватило, или обиделись плотники на Саню – около половины забора обшили досками, на том дело закончилось... Подозреваю, Сани их тоже под ружьё ставил. По состоянию досок читалось – лет пять забор ждёт завершения строительства.

Шагах в двадцати от дома отсвечивало неживой водой озеро.

– Сколько, – спрашиваю Саню, – живёшь здесь?

– Долго, – ответил глубокомысленно.

– Долго, – говорю, – понятие растяжимое. Сколько лет в твоё «долго» вместилось?

– Долго, – упрямо повторил Саня.

Он оказался якутским мечтателем. О прошлом не распространялся. Ни о родителях, ни о братьях и сёстрах. В школе, было дело, учился, но сколькоклассное образование получил не сказал. Односложно ответил – «учился». Служил в армии, нет ли – забыли спросить. Много лет на постоянной основе жил один одинёшенек в лесном доме – зимой и летом, весной и осенью. В улус не хотел перебираться. Дом в тайге – основная его недвижимость. Не считая оружейного арсенала, главного Саниного богатства. Об этом чуть ниже поговорим. Саня весь в мечтах. Первый пункт желанных перемен – женитьба. Было Сане за сорок, пора бы мечту превратить в реальность, щебечущую женским голосом рядом. Да что-то не торопился заводить подругу жизни. Всего лишь сладко мечтал – «жена хороший надо». Второй пункт Саниных грёз – поставить новый дом. Опять же не в улусе, а тут же поблизости. Место приглядел уже.

– Там озеро чистый, – мечтал, – рыба, утки. Хорошо. А это плохой озеро. Дохлый!

– Ты его сам отравил, – говорю, – помойку устроил. Вот и «дохлый»!

– Из-за этого что ли? – искренне удивился Саня.

– А ты думал, вода от гадости чище станет?

В оправдании Сани надо сказать, что по загаживанию озера были у него хорошие помощники. Санина заимка пользовалась большой популярностью у высоких районных чиновников: секретарей райкомов, прокуроров, глав админи-

страций, военкомов. Охоту всем Саня обеспечивал по высшему разряду. А кроме этого, само собой, начальство отягивалось на природе вдали от шума городского. На вертолёт прилетят и гужуют: пьют огненную воду, едят немерено, а мусор, кости, бутылки – в озеро. Оно небольшое – метров тридцать в диаметре. Ну и зацвело. Саня рассказывал, когда приехал, ничего подобного не наблюдалось – вода была хрустальная.

– Есть хороший озеро, – мечтал, – там дом построю.

Одно плохо, то озеро находилось дальше от реки, чем это. Саня водил к нему. Почти круглое, метров в сто в диаметре.

– Ты и это загадишь!

– Не, – уверил Саня, – моя всё понимай! Яма специальный для мусор сделаю.

– Саня, – говорю, – ты уже не молодой, женился бы да в город или в улус переезжал, жена молодая, как хорошо.

– Не-е-е, здесь хорошо, зайчика сварил, с Чолбоном в тайга ходил, соболь ловил.

– А телевизор? Кино?

– Не-е-е! – отрицательно мотал головой Саня. – Не-е-е!

– Какая дура, – Денис опять нарывался на скандал, – захочет с тобой в лесу маяться?

– Найду какая! – верил в семейное счастья Саня.

На «дуру» не стал обижаться. Если бы Чолбона дураком обозвал – другое дело. «Другое дело» не заставило себя ждать.

После вкусного обеда Саня, как радушный хозяин, предложил перейти к развлекательной части программы приёма гостей. Что мог Саня предложить в качестве развлечений? Правильно – охоту.

Наше арендованное в улусе ружьё Саня сходу забраковал, выдал ружья из своего арсенала. Мне – горизонталку-двустволку, Денису – одностволку, сам взял двустволку-вертикалку, из которой поливал нас в памятный день нашего знакомства и которую, якобы, потерял в тайге. Охотничьи обязанности Саня распределил следующим образом. Отстрел зайцев поручил мне, тогда как они с Денисом будут гнать косых на выстрел. Мне останется лишь на курок нажимать. Вышли мы к склону пологой горки, поросшей у подножия редким леском. Денис с Саней понялись выше, и началось кино – на меня посыпались зайцы. Я опешил – со всех сторон выскакивают. Справа, слева... Разнокалиберные – упитанные особи и дробненькие, ещё не набравшие жира...

Настоящие охотники лишнего не стреляют. Саня, давая установку на охоту, говорил о трёх зайцах, я ровно столько и подстрелил. Два хороших, один средненький. Его первым уложил. Мне бы не торопиться, выбрать пожирнее, но в азарте не утерпел. Как же – летит на тебя. Получилось – три выстрела, три зайчика.

Идём обратно, у Дениса, охотник как-никак, руки пострелять чешутся. Вышли поразвлекаться и ни разу на курок не нажать. Шагаем к домику, на нашу и свою беду зайчик вы-

скочил. Мелконький и глупенький. Сидел бы в норе, так нет, вынесло его прямо на ружьё Дениса. Летит косою, ничего перед собой не видит. Денис ружьё вскинул.

– Не надо! – Саня ему.

Пускай, дескать, скачет по своим делам, зачем он нам сдался.

Денис – стрельнул. Упрямый у меня друг, ничего не напишешь.

Зайчик кубарем покатился, потом вскочил и побежал, но не так резко – Денис всё же зацепил его. Подранков оставлять нельзя, Саня по-якутски отдал Чолбону команду. Тот, надо сказать, нашу охоту расценил, как баловство, посчитал ниже своего достоинства участвовать в ней, никакого внимания на зайчишек не обращал, а тут приказ. Находился Чолбон в отдалении и позади нас, мы оказались на его пути к зайцу. Пока он нас оббегал, заяц нырнул в норку. Опросто-волосился Чолбон. Норка заячья одно название – в вечной мерзлоте сильно не углубишься – буквально под корнями дерева. Метра два в длину.

Чолбон растерянно смотрит на хозяина. Денис возьми и брякни:

– Вот глупая собака! Дурака зайца не взяла.

Саня моментом насупился. Денис тем временем схватил сухую лесину и начал шуровать в норе. Зайчик от такого обращения с жилищем переполошился, пролетел всю длину норы и выскочил с другого входа. Как раз на меня. Я палку

схватил, жалко заряд тратить, стукнул раз да другой зайчика. Он закричит, как ребёнок. Ребёнок и ребёнок. Жутко, если честно. Добил. Денис победно взял зайца за уши...

Поворачиваемся мы к Сане, а тут картина Репина «Приплыли», мы у Сани на мушке. Стоит, ружьё на нас наставил. По лицу видно – намерения у него самые серьёзные.

Денису шепчу:

– Молчи! И не двигайся!

Расстояние между Саней и нами метра четыре. Саня ни слова не говорит, мы тоже замерли. Ждём, что дальше будет.

Минут десять стояли, может, пять, но показалось – целую вечность.

Вдруг будто кнопку кто-то нажал, Саня опустил ружьё:

– Ну ладно, пошли, – сказал недовольно.

Обиделся он на тот факт, Чолбона принародно обвинили в глупости. Денис вдобавок бросил: «Как ты с таким дураком на зверя ходишь?» Для Сани это было нестерпимое оскорбление. Мать Чолбона знаменитая на всю Якутию сука. Чолбона Саня взял щенком, воспитал, пёс стал первейшим другом. И вдруг любимец совершенно несправедливо унижен.

Вернулись в избушку, Саня сурово бросил:

– Выпьем давай!

Не просил, как раньше, потребовал тоном, не терпящим возражений.

Выпили, поели. Саня отмяк и предложил следующий пункт развлекательной программы:

– Давайте постреляем.

И полез в свой арсенал... Три ружья, с которыми мы ходили на охоту, на виду висели. Были они двенадцатого калибра, другой местные охотники не признавали. А вообще якуты уважали ружья шестидесятых годов выпуска. Тогда хорошие стволы делали. Ружьё, которым Боря за бутылку спирта снарядил нас, из новых, дробь, выходя из ствола, веером разлеталась. У меня дома имелась старая курковка – одностволка. Вот у неё бой кучный... Не променял бы ни на какое новое. Давай мне хоть автоматическое или полуавтоматическое – не надо. Лучше вручную перезаряжу, но выстрелю и точно попаду.

Три ружья у Сани находилось в избушке, а когда открыл подполье... Вот это арсенал... Штук двадцать пять винтовок и ружей. Снайперские, трёхлинейка, карабин. Несколько разных тозовок. Одно было комбинированное. Ружьё 32 калибра, а сверху ствол – тозовка. Саня сказал, что тозовками он не пользуется. Если идёт на что-то крупное, берёт снайперку.

Самым раритетным экземпляром коллекции была трёхлинейка. Саня повздыхал, что патронов не осталось. Попросил – «достаньте». Где ж мы ему достанем?

Стрелять выбрал снайперку и пару тозовок-мелкашек. Снайперка – просто класс! Это была модернизированная винтовка Мосина, ручка затвора удлинена и загнута вниз, чтобы при перезарядке она не упиралась в прицел. Для нача-

ла нам с Денисом дал по мелкашке, показал на бутылки, что плавали в озере. Санины гости ничего умнее не придумывали, как пустые бутылки в озеро швырять. Выпьют содержимое, а стеклотару зафинтилят на середину водоёма. Бутылки плавали горлышками вверх.

Вначале у нас не получалось пулями колотить бутылки. Пуля дзинькнет, попадание есть, но бутылке хоть бы что – целёхонькая. Саня посмеялся над горе-стрелками, пояснил: не в горлышко надо метить, а ниже, пуля должна входить в воду и попадать в середину бутылки. Скорректировал стрельбу, стало получаться. Метров сорок до бутылок расстояние.

Денис метче меня стрелял.

– Ну ты и чайник, – хихикал он над очередным моим промахом.

Постреляли по бутылкам, Саня перешёл на более серьёзные мишени, и оружие сменил – снайперку взял. Прицел не стал одевать. Я попросил с прицелом, Саня хихикнул, дескать, ты хоть с прицелом, хоть без того, всё одно как пальцем в небо. Мне обидно стало, как тому Чолбону.

Стреляли по деревьям, по сосновым сучкам. Саня показывал пальцем, в какой он будет стрелять, и обязательно попадал. Сучок тоньше мизинца, он не целясь, срезал пулей. Ни я, ни Денис не попали из снайперки. Сноровка нужна – ствол уходит при выстреле.

Потом Саня продемонстрировал запредельное мастер-

ство. От Саниной усадьбы по руслу реки метрах в четырёхстах гора. На её склоне кусты шиповника, на одном ярко-красный полиэтиленовый пакет в качестве мишени. Саня задолго до нас на куст шиповника закрепил мишень...

– Стрелять шибко люблю, – говорил, – постоянно тренировка!

– По нам стрелял тоже для тренировки? – хохотнул Денис. Саня вместо ответа протянул ему снайперку.

Предоставил нам право первых выстрелов. Специально, чтобы показать, какие мы слабаки. Мы с Денисом использовали забор в качестве упора. Денис поставил локоть на срез доски, долго целился... Первым выстрелом поднял пыль ниже куста (я в бинокль смотрел), вторым – выше. Я тоже в гору попадал, в мишень – ни разу.

Надо сказать, Саня был прилично захмелевшим после спирта. Пока мы стреляли по бутылкам и сучкам, его вообще развезло. Однако забор не стал использовать для упора, с рук палил. Его шатает из стороны в сторону, как на корабле в качку. Однако на качество стрельбы никак данное состояние не повлияло, будто у него система прицеливания, как у современного танка: его при движении швыряет из стороны в сторону, но башня живёт своей жизнью, гироплатформа отслеживает скачки, нырки по тангажу и рысканию, система управления отрабатывает возмущения. Раз пять Саня стрелял по пакету – ни разу не промазал. Казалось, вообще не целился – вскинул винтовку, тут же выстрел. Мы с Дени-

сом по науке под дыхание пытались подстроить нажатие на курок.

Рука у Сани тверда в любом состоянии и глаз, как у сокола.

В Великую Отечественную войну среди солдат-якутов было немало отличных снайперов. Герой Советского Союза Фёдор Охлопков из своей винтовки убил 429 немцев. Поначалу на пару с братом Василием пулемётчиками воевали. Брата немецкий снайпер под Москвой сразил, тогда Фёдор решил стать снайпером. При Саниных способностях, доведись ему воевать, не хуже бил бы фрицев.

Больше Саня не обижался на нас, на мушку не брал. Собственно, два раза наступив на грабли, мы сами вели себя осторожно. Единственное, Саня поворчал, что хлеб съели. Я едва не все его запасы прикончил. Сане хватило бы недели на две, да я не мог остановиться. Денису говорю:

– Пора бежать, как бы Саня снова не осерчал – хлеб-то кончается.

– Тебе нет бы вовремя умерить свой пыл, как с голодного края навалился в два горла...

Попробуй тут утерпи. Настоящий деревенский не фабричного замеса хлеб. Тесто выстаивается, никакими ускорителями не пичкают его, подходит, как положено. Привозили Сане хлебушек из улуса, а хранил его в леднике...

На Санино ворчание я предложил:

– Может денег оставить за хлеб?

Саня предпочёл патроны. У нас три пачки было, две отдали.

Саня, конечно, уникам. Одному постоянно жить в тайге. Спрашивали его, ладно в охотничий сезон в тайге живёт безвылазно, в межсезонье можно в улусе отдыхать, как другие охотники-промысловики делают.

– Не-е, – мотал головой, – улус гости на чуть-чуть хорошо, а тайга – всегда-всегда хорошо!

– Медведи приходят к дому?

– Бывает...

Летом не страшно, мишки сытые, не то что, когда они после зимней спячки вылезают из берлоги... Саня больше всего за лошадь беспокоился, если мишка появлялся поблизости, может задрать животинку...

– Шуметь начинаю, – рассказывал Саня. – Банки-склянки стучать-колотить. Уходит.

Конечно, Саня мог бы завалить опасного гостя, но зря не убивает. Потому и надулся на нас: Чолбона оскорбили – раз, лишнего зайца убили – два. Всё было рассчитано: пару зайчикам нам на еду, один – собаке.

На медведя Саня охотился, если желчь медвежьё заказывали. На вес золота у иностранцев желчь. А так бил соболя, песца, рысь.

Забросчики

Во время нашего визита к Сане имел место случай, которому поначалу не придали значения. Сложились пазлы в шпионскую картину позже. На второе гостевое утро слышим – моторка на реке. Видеть её не могли, находились у Сан, лес реку закрывал. Моторка мимо не прошла, мотор затих, минут через пять к избушке подошли якуты. Одного Саня знал, земляк из улуса. И ещё трое. Поздоровались...

Потом-то, когда пазлы сложились, мы поняли, что были за гости, будто невзначай к Сане заглянувшие. Документы не спрашивали, сами не представились. Поинтересовались, как бы из чистого любопытства, откуда мы взялись да куда путь держим. Сказали, дескать, путешествуем, кости мамонта немного собираем.

– Почём продаёте? – полюбопытствовали визитёры, закуривая вместе с нами.

– Исключительно для себя, – пояснили. – продажа не наш профиль.

Вроде как светский ничего не значащий разговор.

Саня попросил земляка, чтобы хлеба при случае забросили.

– Съел, – показал на меня, – шибко-шибко хлеб кушает!

Минут пятнадцать визитёры пробыли и распрощались, направляясь к реке.

Взревела моторка и пошла вниз по течению...

– Пойдём-ка к плоту сходим, – предложил Денис.

Предчувствие не обмануло. Наши вещи были аккуратно сложены, однако было видно, кто-то руки запускал в них.

– Пошарились, заразы! – сказал Денис.

Надо сказать, мы предусмотрительно ценные вещи, как приплыли, сняли с плота и унесли к Саниной избушке. Доверяй, да не зевай.

Ничего не исчезло, да осадок на душе остался. С появлением осадка пазлы начали складываться: неспроста всё это. Когда мы стояли у кладбища мамонтов, день на четвёртый я заметил дымок над лесом километрах в двух от нас. Конечно, совсем пустынным край не назовёшь, выше по Яне прииск – золотишко драгой мыли. А так никаких людных мест, никаких улусов на сотню километров вокруг. Однако кому-то дома не сиделось – варил чай или кашу на костре неподалёку от нас. До этого моторка вверх пролетела. А потом вниз с заглушенным мотором проследовала, два якута в ней сидели.

На следующий день после обнаружения дыма нашёл я зуб мамонта и понёс к табору. Отнесу, думаю, заодно кишки чайком горячим прополощу. Дениса чаепитие не прельстило, не пошёл со мной за компанию. Ташу добычу, зуб килограммов на восемь, нести неудобно, перед собой держу... Наконец выруливаю на финишную прямую и вижу странную картину – от нашего табора мужик с фотоаппаратом скачка-

ми удаляется. В брюках защитного цвета, такой же куртке. Своим появлением я спугнул его. Резво стартанул к лесу, как меня увидел...

Дурачась, крикнул ему в спину:

– Стой! Стрелять буду!

Он ещё сильнее припустил. В спешке не заметил, что у меня кроме зуба мамонта другого оружия не имелось.

Тогда ещё цифровые фотоаппараты не вошли в обиход, «Зенит» или «Фэд» у него был. Чехол открыт, объектив наружу...

Конечно, за такую фотосамодеятельность следовало по шее накостылять... Будь со мной ружьё, шмальнул бы для острастки в воздух. Что за манера устраивать фотосессию чужого лагеря без разрешения хозяев? И рвать когти, при появлении оных на горизонте. Так в тайге не делается.

Первым делом я осмотрел табор на предмет – из вещей ничего не исчезло вместе с фотографом? Сунул руку на дно рюкзака, где в полиэтиленовом пакете лежали паспорта, авиабилеты на обратную дорогу и деньги – на месте. Крикнул в сторону леса:

– В следующий раз голову оторву!

И сел пить чай. Тут-то и заметил, мой радиоприёмник подвергался ревизии. Хорошо помнил – выключил его перед уходом и поставил на пенёк. Он лежал на траве.

Люди мы городские, нам без шума большого мира тоска зелёная. Даже в тайге душа просит музыкой уши про-

чистить, новостями себя побаловать. Поэтому прихватил небольшой приёмник. Был японского рода-племени – однако на внутреннюю антенну ловил слабо. Я нашёл кусок, метров пятнадцать, проволоки. Тоже нюанс: натуральная глушь, а плоды цивилизации, точнее, её хлам – налицо. Не успел озадачиться: вот бы антенну соорудить для принятия вестей из далёких волостей, как наткнулся на моток изолированной проволоки – валялась на берегу. Водой ли принесло, или кто-то из таких же бродяг бросил... Привязал к проволоке свинцовое грузило, на сосну конец забросил. Около нашего табора росли высокие сосны, одну выбрал в качестве мачты для антенны. «Японец», оснащённый антенной, взбодрился, стал бравенько вылавливать из эфира музыку и новости.

На допросе в Батагае одним из пунктов обвинений будет использование в преступных целях приёмника-передатчика с антенной. Он окончательно убедил якутских контрразведчиков, что мы – шпионы, работающие под прикрытием сбора костей мамонта. По радио получаем инструкции из центра и сами передаём стратегическую информацию. Посчитали, что под обыкновенный ширпотребовский, пусть и японский, корпус заделана шпионская аппаратура.

В Батагае мы окажемся под конвоем. И, как на машине времени, в прошлое провалилимся – в Советский Союз. Середина девяностых годов, СССР приказал долго жить, однако батагайские власти не торопились менять уличную на-

глядную агитацию, пронизанную коммунистическим вчера. На самых видных местах висели плакаты: «Слава КПСС», «Советский Союз – оплот мира во всём мире», «Слава Советской Армии». Дежурные, набившие оскомину, намозолившие глаза лозунги, которые в Якутске давным-давно выбросили и забыли, украшали Батагай.

И жизнь, что самое интересное, продолжалась в духе лозунгов. Горбачёвская перестройка переросла в ельцинскую неразбериху, иностранцы повалили пачками на наши сверхсекретные заводы, воинские части расформировывались, ре-зались в утиль ракеты, подводные лодки, а новенькие танки и пушки ржавели под открытым небом. И только в Батагае продолжали ловить шпионов и диверсантов. «Слава КПСС» давно не слава, однако подозрительность оставалась на прежнем уровне. Якутская глубинка бдительности не теряла, продолжала идти проверенным курсом. Дескать, пусть в Москве резвятся, мы на всякий случай будем стоять на страже.

Трудно сказать, в какой момент записали нас в диверсанты (бабушка моя говорила – забросчики) и взяли в разработку. Нам и в голову не могло прийти, что мы под колпаком. Ничего не заподозрили. Ну, бегал какой-то ненормальный с фотоаппаратом, ну, моторка пролетала несколько раз мимо кладбища мамонтов. Дымок поднимался невдалеке... Тоже можно найти объяснение – кто-то не хуже нас в отпуск не к морю отправился бока греть, а в глухомань.

На деле получилось – за нами с самыми серьёзными намерениями следили.

Но в один момент контрразведка нас упустила. От Сани мы сплавились на плоту до улуса Коли-якута, и, не останавливаясь, прошли ниже километров на тридцать. Коля, давая наводку на кости мамонта, поделился координатами двух кладбищ. Первое – вверх по Яне от его улуса, второе – вниз по течению, у так называемой Медвежьей горы. И предупредил: у Медвежьей горы как повезёт, костей, там мало.

Нам не повезло, ничего стоящего не нашли. А место интересное. В Яну впадает речка. Из тех, что бурно разливаются во время таяния снегов, а к лету пересыхают. В половодье склон горы речка подмыла, слои вечной мерзлоты обнажились, взору открылась обалденная картина. В нижнем слое скопление доисторических растений – травы, листья. Тысячи лет назад её мороз законсервировал, в вечную мерзлоту упрятал, текущим летом она вышла из глубины веков. С самого края ископаемая трава под воздействием тепла и воздуха порыжела, загнила, стоит копнуть глубже, куда не проникло тепло – зелёная травка, будто вчера замороженная. В первозданном виде сохранилась с тех времён, когда стада мамонтов бродили по этой траве-мураве, нагуливали много-тонные туши... Какие-то лопухи с широченными листьями. Сроду подобных не видел...

Ощущение непередаваемое. Дома из морозилки достанешь зелень для супа – укроп, петрушку, осенью заморозил,

и вот она свеженькая, аппетитная... И здесь точно такая по виду... Хотя в природе давным-давно не растёт... Тысячи лет не растёт. Она в твоих руках, а самом деле – это призрак, фантом, травы этой больше не существует... Чудеса в решете – дырок много, а выскочить некуда.

Я увлёкся описанием ископаемой травы и в который раз нарушил хронологию, забежал вперёд на целый день. Перед этим не менее впечатляющая история приключилась. На подходе к Медвежьей горе сидим с Денисом на плоту, течение его потихоньку тащит, вёслами не помогаем. Только-только чайку попили, я термос ополоснул. Сидим в расслабленном состоянии. Ласковое солнышко греет, ветерок свежий обдувает, волнишка о брёвна плота бьёт. Мы вполголоса ведём неспешную беседу за жизнь. Течение на Яне небыстрое, можно сказать ленивое. Красота картины реки, берегов наполняла душу покоем, располагала к философским рассуждениям о суетности бытия больших городов. Как бы хорошо вот так жить среди первозданной природы... И вдруг посреди этой идиллии из-за поворота навстречу нам вылетает «Казанка» с ревушем на всех оборотах мотором. И ужас – раздаётся настоящая автоматная очередь. Над нашими головами проходят настоящие боевые (какими они могут ещё быть!) пули, звучит резкая команда:

– Стоять!

Будто плот наш был оснащён движком, и мы могли ударить по газам и, набирая крейсерскую скорость, уйти в от-

рыв. Два наших плохоньких весла никак не могли конкурировать с «Вихрем».

Скорее всего, преследователи боялись, как бы мы не открыли огонь первыми. Знали про наше ружьё. Поэтому брали на понт. В лодке сидели два якута, на румпеле – в гражданской одежде, второй милиционер, лейтенант с укороченным «Калашниковым». Как потом выяснилось – участковый из улуса Коли-якута. «Казанка» с заглушенным двигателем ткнулась в плот. Лицо лейтенанта сияло от счастья:

– Попались! – произнёс тоном, которым мы говорили в детстве: попался, который кусался!

– Вы от нас прятались, – сказал победно, – а мы вас поймали!

Автомат лейтенант держал наготове. Всем своим видом показывая, если что, откроет стрельбу без предупреждения.

– Ты чё с дуба рухнул? – возмутился Денис.

Его привёл в негодование факт применения оружия, пусть даже в устрашающих целях. И сама постановки вопроса возмутила до глубины души: салага лейтенант обличает в том, чего и близко не могло быть.

– Чё бы мы с тобой в пряталки играли! Нашёл игрунов! И стрелялки ты зря затеял!

– Предъявите документы! – потребовал лейтенант тоном, за которым читалось, в случае неповиновения, открываю стрельбу на поражение.

И направил дуло Денису в грудь.

Чем окончательно разочаровал того. Коротким и резким движением Денис схватил автомат за дуло, вырвал и следующим движением опустил в реку. Осадка у плота была низкой, брёвна намокли за время сплава, Денис находился с краю. Он выхватил автомат и сунул в Яну, из воды торчал короткий ствол, останую часть грозного оружия скрывала Яна.

С лейтенанта мигом слетело самодовольство, узкие глаза от ужаса округлились до невероятных размеров. Он живо представил, как булькнет табельное оружие и навсегда исчезнет в глубинах реки. И прощай тогда погоны, хлебное место участкового.

Денис подтвердил опасения:

– Сейчас утоплю, и что запоёшь тогда? Стрелять он вздумал!

Лейтенант запричитал бабьим голосом:

– Ой-ой не надо вода!..

– Да чё не надо! – нравоучительным тоном произнёс Денис. – Чё не надо, когда ой как надо! Как тебя зовут?

– Гена.

– Так вот послушай, Гена...

И Денис сел на своего конька...

Если сделать паузу в описание сцены с обезоруженным лейтенантом и заглянуть в характеристику Дениса, найдём в ней следующее: лысеть Денис начал рано. В армии получил устойчивую кличку Ильич в честь обладателя самой знаменитой лысины XX века – Владимира Ильича Ленина. И не

только за лысину звали Дениса Ильичом, он страшно любил учить и поучать.

Невежливый лейтенант вперил взгляд в дуло автомата, торчащее из воды, пытаясь загипнотизировать его, не дать уйти в глубину, а Денис начал свой назидательный монолог.

– Нельзя так себя вести! Мы, двое взрослых мужчин, среди бела дня, ни от кого не скрываясь, сплаваемся на плоту, ты вдруг выскакиваешь, как бес из табакерки, и начинаешь грозить автоматом. Ладно бы грозить, ещё и стрелять вздумал. У нас что – война? Боевые действия? Мы что – бандиты из Чечни? Вовсе нет. Мирные люди. Никого не обидели, ни на кого не нападали. Повода не давали для «стой, руки вверх!» Значит, надо вести себя с нами по-человечески. Ты не поздоровался, не представился, сразу автоматом в грудь начинаешь тыкать!

Якут, что сидел на руле, побледнел. Он тоже поначалу горел глазами – шпионов поймали, может, премию или медаль дадут. Но когда увидел, с какой лёгкостью Денис разоружил лейтенанта, перепугался. Посчитал, перед ним настоящие диверсанты. Подготовленные, обученные головорезы. Такие прикончат, труп утопят, привязав предварительно груз к ногам, и не поморщатся. Таким, что зайца прикончить, что человека – без разницы.

– Гена, а тебе вообще автомат нужен? – спросил Денис. – Вести себя ни чуть-чуть не умеешь! Разве можно такому доверять оружие?

Лейтенант, заикаясь, ответил:

– Шибко н-н-нужен!

– Да ничего не нужен! Семья есть?

– Жена, два дети!

Якут так перетрусил, что начал путаться в русском языке.

Поначалу говорил чисто, с автоматом в Яне куда что подевалось.

– Я так и думал, – укоризненно покачал головой Денис. – Жена у него, дети, а он с автоматом. Прикинь, ты в меня выстрелил, и что? А то – тюрьма тебе и свидания раз в год. С твоим неуравновешенным характером можешь ни за что ни про что убить человека. Тебе не автомат, тебе разрешения на покупку охотничьего ружья нельзя давать!

С полчаса мозги участковому полоскал, уверяя, что тот абсолютно неправ, так обращаясь с гостями района.

– Какие мы бандиты? С чего ты взял. Просто отдыхаем. Кости мамонта пособирали, поохотились, полюбовались таёжной красотой. Были наслышаны о гостеприимстве ваших мест, а ты автомат в грудь – предъявите документы! Разве так среди людей делается. Прикинь, ты приезжаешь в Якутск, я тебе приставляю нож под рёбра: паспорт давай! Тебе понравится?

Денис достал из воды автомат.

– Ладно, Гена, топить не буду, – сказал, – дело казённое, тем более у тебя двое детей. Попрут из милиции, что будешь делать?

– Не знаю, – промямлил лейтенант.

– Автомат разряжу, учитывая твой неуравновешенный характер.

Денис выбросил в реку рожок, достал патрон из патронника, тоже отправил в воду.

Лейтенант, тоскливо глядя, как размундиривается табельное оружие, заныл:

– А у вас ружье есть, я знаю.

– Нет, – твёрдо ответил я.

– Как нет? – вякнул якут на румпеле. – Боря дал за бутылку «Рояля».

Всё-то они знали. Даже размер и вид гонорара.

– Утопили, – соврал я, не моргнув глазом.

Они тоже не с одним автоматом примчались. В лодке на дне под мешковиной лежало ружьё. Это я сразу заметил. Но и у меня левая рука сжимал приклад. Наше ружьё скрывали рюкзаки.

– Рожок давай, – строго потребовал Денис запасной рожок.

Лейтенант нехотя протянул.

Денис бросил рожок в воду и только после этого отдал автомат, коим теперь воробья не напугаешь.

– Спасибо, – буркнул лейтенант, отодвинувшись на другой борт. Опасался, как бы снова не лишиться оружия.

Вежливости хватило на пару минут. Чуть отплыли, из лейтенанта полилось:

– Да я вам покажу зима раков! Я вам покажу, шпионы проклятые. Приедете к нам в улус...

Лейтенант знал, мимо его улуса нам не пройти на обратной дороге!

– Ехай-ехай, Гена, контрразведчик хренов! – махнул рукой вслед лодке Денис.

– Ты прямо детективный поэт, – прокомментировал я ситуацию.

В космос посылать – только деньги тратить

За два дня до этого у нас междусобойный конфликт случился. Один из выводов экспедиции: дружба дружбой, но в космос меня с Денисом в длительную командировку вдвоём отправлять, только деньги тратить – не выдержим на орбите в ограниченном пространстве, перессоримся, завалим программу полёта. Денису если в голову что втемяшится – не выбьешь. На утиной охоте едва не утоп в болоте, нет бы – позвать на помощь, он бессловесно барахтался в трясине, чуть упрямством не поставил крест на себе и затее с костями. Опять же, когда обед перевернул в костёр. Тут, конечно, я тоже хорош. Видел, что конструкция хлипкая, ну и укрепил бы. Нет, раз не я дежурный... Опять же – ну, перевернул, с каждым может случиться... Я нет бы в шутку перевести, разнылся, как дитё капризное... То есть – оба цвай... Один другого стоит...

Был случай, Денис кроссовки мои спалил... Из обуви каждый взял в экспедицию резиновые сапоги и кроссовки. Утром, пока роса, в сапогах, потом – любо-дорого в кроссовках. В сапогах с утра до вечера тяжело ногам, не дышат... В тот день я в болотину провалился, набрал полные кроссовки. Вечером пару палок воткнул у костра, повесил обувь на просушку. Денис кашеварил, я предупредил его, чтобы не

кидал много дров, пламя большое не делал.

– Не беспохлёбся, всё будет окейно! – заверил.

Сам один раз подбросил веток да другой. Мне некогда было дрова перепихивать, жар уменьшая, других дел хватало... Пока ими занимался, Денис спалил кроссовки... Один ещё ничего, можно носить, второй загнулся китайской крышей – только выкинуть. Что я и сделал, разозлившись на Дениса, зашвырнул кроссовки в Яну. Остаток экспедиции в сапогах пришлось маяться круглые дни.

Правда, потом сам Денису кроссовки сжёг. По той же схеме, подбросил в костёр дров, а не посмотрел, что жар распространился на опасную дистанцию, не передвинул обувь подальше, в результате лизнуло пламя кроссовки раз да другой, они скукожились. Денис до конца похода ворчал – ноги преют в сапогах, будто моим отраднее. Тут мы квиты.

Когда сплавлиались от Сани, Денис от нечего делать принялся нож в плот метать. У меня был отличный нож из напильника. Рукоятка простенькая, лезвие – исключительное. Тот случай, когда можно проволоку резать, сучки рубить, дерево, как долотом, долбить. Лезвие отточешь, листок бумаги берёшь, и лёгким движением на полоски режешь.

Денис взял нож и давай в бревно плота бросать, будто не вода кругом... Я попросил прекратить дурацкое занятие. Денис как Денис, будто не слышит.

– Денис, – говорю, – брёвна намокли, спружинит нож и улетит в воду. Чё ты, в самом деле, как дитё малое?!

– Не беспохлёбся!

– Да чё «не беспохлёбся»! – не сдержался я, голос повысил. – Нет у нас больше нормального ножа. Если этот...

Не успел договорить, нож спружинил о бревно и булькнул за борт.

Измучились потом без него. Складничок у Дениса имелся, да разве это нож для тайги. Лезвие никакущее, сразу разболталось в рукоятке... Маета, а не нож...

Денису сказал, когда вернулись в Якутск:

– Экспедиция показала, доведись нам проходить проверку на совместимость при полёте на Марс, завалим. Нельзя тебя и меня на красную планету дуэтом отправлять – переругаемся в дороге.

– На Марс я и сам не хочу: ни охоты, ни кладбищ мамонта. Скучота вселенская! А на Луну, поди, на пару по-быстрому разрешили бы сгонять. Полетел бы со мной?

– А ты как думаешь? Как я могу тебя бросить, ты непременно из-за своего непроходимого упрямства куда-нибудь вляпаешься, и кто тебя, кроме меня из лунного болота тащить будет?

А если подумать – экспедиция за костью мамонта одно из самых ярких впечатлений моей жизни.

Контрразведка в действии

Как говорилось выше, интересного на кладбище мамонтов у Медвежьей горы не нашли, если не считать залежей замороженной травы доисторического происхождения. Практически ничего не добавили к коллекции костей, которые собрали в угодьях Сани-охотника. А с другой стороны не скучали. Погода стояла хорошая, походили, побродили, Денис подстрелил зайчика, доказал мне – он и по зайцам мастер. Напоследок побаловали себя зайчатиной, не такая вкусная получилась, как Санина, но тоже до последнего кусочка съели.

Вася-якут не забыл об уговоре, в условленный день приехал на моторке за нами и «музыкальным» гонораром. Без приключений доставил в улус Коли-якута, на финише получил «Рояль» и радушно пригласил повторить экспедицию за костями будущим летом.

Гена-участковый больше не вязался ни с автоматом, ни без оного, несмотря на обещание показать «зима раков». Вообще его не видели. Возможно, не захотел больше с Денисом связываться, опасаясь за табельное оружие. Другие контрразведчики тоже никак не проявили себя. Мы решили: надоело ребятам гоняться за призраками, занялись настоящим делом.

И жестоко ошиблись в своём предположении. Оказыва-

ется, наши скромные персоны продолжали вызывать жгучий интерес у местных органов. Мы продолжали оставаться под колпаком, и за всеми нашими передвижениями велась неусыпная слежка. Ничего не подозревая, тихо-мирно переночевали в доме Коли-якута, утром следующего дня на машине с будкой, на которой из улуса возили народ в Батагай, отправились в аэропорт в предвкушении скорого возвращения домой. Экспедиция окончена, всё получилось чудно и ладно. Коля-якут не обманул – вывел на настоящее кладбище мамонтов, кости вымерших животных набраны, впечатлений через край, одно общение с Саней-охотником чего стоит. Погода нас баловала – практически, ни одного дождя, солнечно, сухо, только что ночами, будучи у Медвежьей горы, помёрзли в дырявой палатке, но это мелочи. Вася-лодочник сработал чётко. Всё сложилось – лучше не бывает.

Да не говори гоп, пока самолёт не приземлился в пункте назначения. По пути в аэропорт нас ждала группа захвата. На развилке (одна дорога шла в Батагай, другая – в аэропорт) стояли три крепких представителя силовых структур, полные решимости хватать, вязать, выкручивать руки, класть лицом на землю и стрелять на поражение в случае оказания активного сопротивления. Автоматов, как у лейтенанта из улуса, у них не было, пистолеты имелись. Двое одеты по гражданке, третий, возрастом старше, – в форме капитана милиции. Остановили машину... Комплекцией вся троица под стать полицейским из американских фильмов – один

другого шире и плечистее. Высоченные, здоровенные, славянской внешности.

Капитан ткнул пальцем в наши сумки и рюкзаки:

– Ваши?

Что бы мы отказывались от своего имущества:

– Так точно! – сказал Денис не без иронических ноток в голосе. – А в чём, собственно, дело?

Капитан не удосужил ответом, вместо этого приказал водителю сменить маршрут:

– Едешь с нами в Батагай!

Остальным пассажирам приказал покинуть автомобиль, который поступает в распоряжение милиции. Но пообещал прислать за мирными гражданами другую машину, мол, не останутся они на обочине бедными родственниками, государство о них думает.

Народ слегка опешил от такого поворота событий, никто слова не проронил, не возмутился на действия силовиков. Пассажиры один за другим покорно покинули машину, с опаской кидая взгляды в нашу сторону – что за преступники ехали рядом с ними? Они знали, что мы от Коли-якута, наверное, подумали, их земляк Коля стал главарём крупной бандитской группировки в Якутске, раз у него такие отпетые кореша.

Нас под усиленной охраной повезли в батагайское РОВД. Только что наручники не надели. Подозреваю, лейтенант обрисовал нас крутыми диверсантами, когда докладывал, как

был в мгновение ока разоружён. Потому и выслали на задержание серьёзную группу захвата.

У крыльца РОВД капитан скомандовал «на выход с вещами». Нас ввели в просторный кабинет, у окна за столом сидел майор, тоже не хилой комплекции и тоже европейского внешности.

Отличительной чертой портрета майора были брови, чёрные, густые, широкие, как у генерального секретаря компартии Советского Союза Леонида Ильича Брежнева. Лицо бесстрастное, все эмоции уходили в брови. Вдруг лохматой линией сойдутся на переносице, символизируя напряжённый мыслительный процесс, или двумя одёжными щётками на лоб полезут в удивлении, а то «домиком» встанут.

Первым делом они взметнулись в вопросе:

– И зачем, интересно, вы к нам пожаловали?

Я, как и Денис, с иронией воспринимал происходящее. Придаться к нам не за что, ничего мы не нарушали. Было весело от всего происходящего, несмотря на грозный вид стражей порядка. Поэтому начал плести завиральные кружева:

– Вы знаете, мы с другом Денисом любим отпускное разнообразие. Поэтому – чередуем море с безлюдной глушью! В один год летим в Сочи на коньячок и шашлычок, тёплое море и южное солнце, где красивые девушки стаями и весёлые пляжи, в другой – на Камчатку или Сахалин, посмотреть экзотику края земли. В текущем году ударило в голову спла-

виться по Яне, так как в прошлом грели бока на крымском солнышке в Феодосии.

Майор никак не отреагировал на мой шуточный тон. Повращал бровями и ударил своим козырем.

– Нам доподлинно известно – вы вели раскопки костей мамонта! Это запрещено!

Предъявленное обвинение парировал Денис, не без ноток вызова:

– Вы вначале докажите, что мы копали! А собирать кости, что валяются на поверхности, законом не возбраняется, более того – разрешено. Какие у вас доказательства наших противозаконных действий? Предъявите, пожалуйста!

Денис не зря на зоне работал, пусть и пожарным. Оправдываться не стал, наоборот – пошёл в атаку.

Майор уверенно свёл кустистые брови в широкую линию, после чего выложил ещё один козырь.

– У нас имеются фото с места раскопок, сейчас проявим и приложим к делу. А пока мы посмотрим содержимое ваших сумок и карманов.

Мы с Денисом в один голос потребовали постановление на обыск:

– Документы, удостоверяющие личность, мы вам обязаны предъявлять по первому требованию, что мы и сделали, обыскивать – извините. У нас не военное положение.

– Будет вам постановление, – недовольно пошевелил бровями майор, ему не понравилось наше знание своих прав.

Сумки мы оставили в дежурке, в одной лежало килограммов тридцать костей, среди них куски бивней мамонта и мелочь. Никакого криминала в этом не было, однако с милицейским подходом «вы вели раскопки», улики хватало держать нас и дальше в РОВД. Поэтому мы упёрлись – «предъявите постановление прокурора на обыск». Билет на самолёт у нас был с открытой датой, мы сей факт скромно умолчали, напирали на обстоятельство, что нам сегодня улетать, если опоздаем на самолёт, напишем жалобу прокурору.

Что примечательно, бровастый майор вёл допрос, остальные крепкие парни, которые доставили нас в РОВД, сидели тут же у стеночки на стульях, будто им больше делать было нечего, главная задача на сегодняшний рабочий день – это мы. Капитан пару-тройку раз отлучался, остальные сидели, как приклеенные. Получается, органы целую бригаду занарядили на разоблачение преступных действий наших скромных персон. Не исключаю, двое в гражданском, были из ФСБ. Скорее всего, операция по нашему разоблачению велась совместными усилиями, надо учитывать – район золотonosный, бдительность здесь всегда на высоком уровне. Денис потом предположил, они заподозрили в нас транспортировщиков золота. Хотя таких чаще с поличным берут в аэропорту.

Моё ироничное настроение постепенно испарилось. Время шло, нас и не думали отпускать. Час миновал, второй, а мы всё также сидим перед майором, отвечаем на его во-

просы. Оказывается, они собрали большое количество информации о нас. Майор спрашивал, давно ли знакомы с Саней-охотником? Почему остановились в доме Коли-якута? Что у нас за радиоаппаратура? Для каких целей она использовалась?

Майор вёл допрос, группа захвата, эта колоритная троица по-прежнему сидела у нас за спиной. Это начинало нервировать. Да и вообще, в первые минуты привода в РОВД мне наивно казалось, сейчас выяснится, что мы вовсе не те личности, за кого нас по ошибке приняли, после чего мы весело распрощаемся с незадачливыми контрразведчиками... Однако никто не собирался нас отпускать. Нам не предъявили обещанного постановления на обыск, не показали обличающих нас в незаконных действиях фото. Подозреваю, у горе-фотографа, которого я спугнул и который задал от меня стрекача с фотоаппаратом, снимки не получились. Или получились, но на улики не тянули. Что он мог наснимать? Ну, кости. Ну, наш лагерь. Ну, кладбище мамонтов без каких бы то ни было раскопок. Нуль на палочке в итоге...

Перепирались мы с майором, перепирались. Обыскивать нас без постановления он всё же не решился. Дело подошло к обеду, майор отпустил нас на прогулку:

– Часика полтора погуляйте налегке, вещи оставьте.

– А обед! – съехидничал Денис. – Столько продержали, должны накормить.

– Чего захотели! – поставил «домиком» брови майор. –

Вы не арестованные!

И добавил многозначительно:

– Пока.

Его «пока» прозвучало не в значении «до свидания», а в значении «пока не арестованные».

Мы вышли из кабинета в небольшой коридор, в его конце сидел за барьером дежурный – скучающий сержант. Майор, выглянув из кабинета, крикнул «выпусти их, пусть погуляют». И вот здесь Денис проявил завидную реакцию и находчивость. Наши рюкзаки и сумки тоскливо лежали в углу дежурки. Денис преспокойненько взял сумку, в которой была сосредоточена наша основная добыча – килограммов тридцать костей. За точность веса отвечаю, так как мы в Батагае на почте взвешивали кости. Я сразу мысленно заплодировал Денису. Молодец дружище, гигант мысли! От костей лучше избавиться.

Конечно, по закону мы ничего не нарушали: кости собирали на поверхности. Однако, если менты вцепились в нас мёртвой хваткой, значит, могут и постановление на обыск раздобыть, кости сделать вещественными доказательствами. Опять же фотограф, что он там нащёлкал. На штык лопаты мы углублялись несколько раз... Конечно, это ерунда, но как её подать... Как говорится, был бы задержан человек, а вина найдётся. Поэтому лучше улики убрать. А нет улик – и проблем никаких.

От РОВД отошли, говорю:

– Денис, ну ты и молоток! Он ведь сказал «вещи не брать».

– Будем говорить в случай чего – у нас в сумке обед. Раз милиция не кормит задержанных, будем глодать кости мамонта...

Идём по Батагаю. Во время той прогулки и обнаружили советское прошлое, о котором говорил в самом начале. Мы словно лет на десять назад в Советский Союз вернулись, Батагай жил под лозунгами канувшей в прошлое советской эпохи. Не один-два, случайно зацепившиеся во времени и выцветшие под дождём, солнцем и морозными ветрами. Приличного вида на домах и зданиях, призывно гласят: «Миру мир», «Слава труду», «Хорошо поработал – культурно отдохни». Даже «Слава КПСС» имелся, хотя КПСС уже упразднили.

– Денис, – говорю, – похоже, РОВД нас в машину времени засунуло и отправило в социалистическое прошлое.

– Тогда нас точно повяжут! В СССР с костями мамонта значительно строже было.

И тут же взял свои слова обратно на счёт «повяжут», показывая пальцем в сторону кинотеатра.

– Нет никакой машины времени у РОВД.

На кинотеатре красовалась большая афиша, которая гласила: «Сегодня у нас боевик Шварца-нигера “Красная жара”».

Клянусь, ничего ни прибавил, ни убавил, знаменитый Арнольд Шварценеггер был представлен в виде «Шварца-ни-

гера». В Советском Союзе кинопрокат фильмов со Шварценеггером не показывал. Это киноискусство относилось к загнивающей западной культуре.

Поохотали мы с Денисом и обнаружили «хвост». За нами, особо не маскируясь, прилипчиво шёл парень: куда ни повернём – следом.

Что ж – это даже интересно. Нас с Денисом за здорово живёшь не купишь. Дали круг по Батагаю празднующимся шагом. Делаем вид, что о слежке ни сном, ни духом, а сами ищем возможность, как от костей избавиться.

Я заприметил здоровенный камазовский скат и в голове, работающей на волне разведчика в тылу врага, мигом замкнуло.

– Денис, – говорю, – сейчас мы с тобой проходим пару кварталов, потом возвращаемся назад, ты сворачиваешь в проулок, который мы только что прошли, там у забора старая камазовская крышка валяется, в неё вываливаешь кости, а я отвлекаю «хвост».

Денису два раза повторять не надо: прошли, увлекая за собой «хвост», вернулись, Денис нырнул в проулок, прыжками к крышке и чирк замком сумки... Я тем временем демонстративно сажусь на придорожный камень, снимаю сапог...

Не успел я перемотать портянку, Денис как ни в чём ни бывало выходит из проулка.

– Ну чё ты копаешься? – бросает мне.

Чем хороша была та сумка, не висела тряпкой в опорожнённом состоянии. Сделанная из плотного материала держала форму, со стороны не определишь – пустая или заполненная до краёв.

Двигаемся дальше, Денис делает вид, что сумка по-прежнему полна-полнёшенька, не воздух носит, тяжесть оттягивает руку. Однако «хвост» вокруг пальцев обвести не главное, нам майору надо глаза замазать. А значит – сумку чем-то наполнить. Группа захвата прекрасно видела при задержании, она не пустая.

Деньги у нас кой-какие оставались, зашли в магазин, и вот это да – опять машина времени перебросила нас в Советский Союз. Прилавок, отведённый под детские товары, ломился от игрушек семидесятых годов выпуска. Большие коробки с конструкторами, кубики с картинками, железные машинки, такими я в босоногом детстве играл. Всё в фабричной упаковке и цена копеечная.

– Денис, – говорю, – берём всё подряд! Объём заполним – раз, второе – моему сыну всё это надо, кроме, естественно, кукол. Он их на дух не признаёт.

Так мы и сделали и даже пару кукол купили по предложению Дениса:

– Я знаю, кому подарить!

Набили сумку под завязку.

В РОВД вернулись, Денис сумку в дежурке на место поставил. Всё шито-крыто.

Зашли в кабинет майора, все контрразведчики были в прежнем составе. Я с порога заявил:

– Хватит нас мурыжить, у нас билеты на вечерний рейс.

На что майор свёл брови в грозную линию:

– Мы должны вас обыскать!

Я почувствовал, что атмосфера в кабинете за время нашего отсутствия накалилась. Полдня прошло, а воз и ныне там. Обличающего и уличающего в преступлении фото нет в наличии (горе-фотограф, судя по всему, запорол плёнку) и никаких других улик. Многодневную, многоходовую операцию провели, а в сухом остатке пшик – нечего в протокол записать.

Я вовремя почувствовал перемену атмосферы в сторону грозы, тогда как интуиция Дениса дала сбой. Чаше наоборот, у него реакция – позавидуешь, мгновенно оценивал ситуацию и принимал единственно правильное решение. Пример тому лейтенант с автоматом или сумка с костями мамонтов. Но случались огрехи. С Саней-охотником два раза поставил нас под ружьё и в кабинете майора высунулся некстати. Начал отчитывать контрразведчиков, мол, топорно работаете, товарищи милиционеры: по какому праву без нашего разрешения фотографировали лагерь? Вещи противозаконно обшаривали, пока мы гостили у Сани-охотника! Средь бела дня стрельбу открыли по мирным гражданам! Ещё и здесь волынку тянете на пустом месте. И сделал заключение:

– Нет постановления на обыск – нет и обыска!

Группа захвата до сего момента сидела молча. Но тут накаченные ребята подали голос из своего угла. Дескать, поосторожнее на поворотах, сказали вам, надо обыскать, значит надо. Вы не в кабинете у директора бани, вы в районном отделении милиции! Вас сюда не в бирюльки играть привели и сказки Андерсена рассказывать! Вы подозреваетесь в серьёзном преступлении!

По тону, с каким это было сказано, чувствовалось, ребята полны решимости перейти к физическому воздействию. Менторским тоном задел их Денис за живое. В моей голове заскакали нехорошие мысли: им ничего не стоит отволтузить нас, проучить хорошенько, не отходя от кассы. И куда потом жаловаться? А если вздумаешь в ответ сопротивляться – точно статью схлопочешь! Активное сопротивление представителям власти.

Говорю Денису:

– Пускай обыскивают, не то мы как фанерка над Парижем пролетаем мимо нашего рейса – опоздаем на самолёт, а мне завтра на работу.

Денис понял, что переборщил с обличением контрразведчиков.

– Ладно, – сказал нехотя, – обыскивайте, хоть это и противозаконно.

Тут же была доставлена из дежурки вся наша поклажа.

– А чё это вы в тайгу игрушки притащили? – открыл майор сумку.

– Думали, – говорю, – в улусе раскупят. Надо же как-то дорогу оправдывать. Но как фанерки пролетели с этой задумкой. Местным игрушки не надо.

Они, конечно, знали, о нашем посещении батагайского магазина. Капитан покидал при нас кабинет, скорее всего, «хвост» доложил результаты слежки.

Майор криво улыбнулся на мои объяснения и обнаружил в моём рюкзаке зуб мамонта. Его трудно было не найти – не коровий, у взрослого мамонта более десяти килограммов весит. Что интересно, у мамонта четыре зуба. На тушу в десять-двенадцать тонн всего четыре. Зато таких размеров зубки, что по тысячу килограммов травы в день пережёвывали. Рабочая поверхность зуба, как тёрка.

Щётки бровей майора станцевали победный танец, когда он достал зуб:

– И что же вы сказки нам рассказывали, что не копали! Зуб лаком покрыт, значит, что? А то, что профессиональный подход. Прикинулись простачками – туристы они.

Мы не стали отрицать этот факт: лакировали. Кость, из вечной мерзлоты или воды извлечённая, быстро трескается, начинает расслаиваться, если сразу не покрыть лаком, он предохраняет кость от высыхания. Обычным бесцветным лаком раза на три покроешь и кость сохраняет свои первозданные качества, вырезай из неё, что хочешь.

– Ну и что? – говорю и достаю вырезку из газеты с указом президента Якутии Николаева о разрешении сбора кости ма-

монта. – Что мы нарушили?

Собираясь на кладбище мамонта, я специально взял с собой вырезу из газеты с указом. Майор пробежал глазами по тексту и продолжил пляску бровей:

– Всё правильно! Написано: копать нельзя, а вы копали!

– Как копать лопатой в вечной мерзлоте? – с напором возразил ему. – Это невозможно! Если бы у нас имелась помпа, мы с её помощью размывали грунт... Товарищи, что ведите слежку за нами, прекрасно видели, фотографировали, ничего подобного помпе у нас не было... Саня-охотник подтвердит, он приходил к нам...

И тут менты нашли существенную зацепку. Обыскивая, обнаружили листок с адресом улуса Коли-якута. Денис сунул его в карман куртки и забыл. В самом начале допроса майор спрашивал, как мы вышли на кладбище мамонтов? Мы пожимали плечами, изображая из себя «простачков туристов», дескать, понравилось место, причалили к берегу без всякой мысли, хотели просто походить по тайге, поохотиться, а потом вода спала, мы обнаружили кости... Из записки следовало: мы знали не только посёлок Коли-якута, но и название заброшенного улуса Охсордох у кладбища мамонтов. Записку мы показывали Васе-лодочнику, он и заложил нас. Но одно дело слова лодочника, от которых нам ничего не стоило отпереться, другое – бумага. Брови майора весело задвигались: вот она улика, которую можно к делу приложить. В соответствии с ней мы целенаправленно ехали из Якутска на

кладбище мамонтов. Знали его координаты.

Недолго брови майора радовались. Не знал он, что в Денесе пропадает картёжный шулер и базарный напёрсточник. Что-то на долю секунды майора отвлекло, Денис молниеносным движением руки записку выкрал. Вот Денис у стола, тут же стоят капитан и двое в гражданском, они сумки наши и рюкзаки шерстят, майор за столом сидит, записка перед ним... И вдруг бесследно исчезает. Денис мало того, что стащил бумагу, он на ход вперёд угадал действия ментов: не в карман сунул украденное, смял в шарик и незаметным движением зашвырнул. Ни менты ничего не заметили, ни я.

Потом спросил его: куда девал?

– Куда-куда? Себе за спину в угол бросил.

Майор хватился:

– Где записка с адресом?

Под бумагами посмотрел, под стол заглянул.

– Наверное, закатилась куда-то! – Денис дурачком прикинулся.

И ринулся под стол искать.

– Стоять! – капитан рыкнул. – Не двигаться! Шустряк выискался!

– Стоять так стоять, – ворчливо подчинился Денис. – Помочь хотел.

– Раздевайтесь! – нехорошо свёл брови майор. – И без разговоров!

– Меня-то зачем, – говорю, – обнажать, вообще к столу с

запиской не подходил.

– И смотрите за ними, – майор приказал подчинённым, – чтобы не съели записку! От этих ухорезов всего можно ожидать! Автоматы они выхватывают, дурачков из себя строят...

Раздели нас до трусов. Карманы на десять рядов прошмонали.

– Говорю, закатилась! – Денис так и нарывался на кулак. – А вы не верите.

Ничего не нашли, одежду нам отдали.

Осталась одна единственная улика – зуб мамонта. С ним тоже получился казус. Вроде он хороший вещдок, веская улика. Но про зубы в указе президента ничего не говорилось. Там упор был сделан на бивни как государственную ценность и достояние республики Саха.

– Зачем зуб взяли?

– На память, – говорю.

– А за сколько его продать можно? – спросил майор мирным голосом, будто сугубо из праздного любопытства интересуется.

– Да не знаю, – говорю, – взяли на память. Продавать не собираемся.

Майор сделал запись в протокол, зуб на край стола отставил, чтобы не мешался под рукой, в это время кто-то заглянул в кабинет, майор повернулся к двери, зуб локтем задел, тот полетел прямо на ногу стоявшему рядом со столом капитану. Если учесть, что в зубе не менее восьми килограммов,

шарахнул он бедолагу хорошо, да ещё острой частью угодил. Капитан заблажил, за ногу схватился. Не удивлюсь, если палец сломало зубом.

Денис снова полез на рожон. Надо сказать, контрразведчики нам попались терпеливые, я бы на их месте давно намаял бока задержанным за ехидные языки.

– Будете всем объяснять, – шутливо посоветовал Денис травмированному капитану, – мамонт укусил за ногу!

– Да заткнитесь уже! – закричал майор. – Всё, хватит, идите отсюда мелкими шагами, и лучше больше не попадайтесь на глаза!

Зуб мамонта в прямом и переносном смысле поставил точку в задержании. Мы скоренько-скоренько, пока майор не передумал, в сумки вещи побросали, которые при обыске были выложены на стол, и скачками побежали из РОВД.

«Почте России» виват!

Время до самолёта оставалось в достаточном количестве, можно было не мчаться в аэропорт сломя голову. Первым делом мы отправились за костями мамонта в проулок с камазовской покрывкой. И о чудо – никто на наше богатство не позарился. Все кости в сумку обратно сложили, предварительно распахав игрушки по рюкзакам.

И задумались, а что дальше с уликами делать? При посадке в самолёт могут запросто докопаться. Наши милиционеры, имея на нас большой зуб, могли попросить аэропорт устроить подозрительным типам тщательную проверку. Майор или капитан шепнёт коллегам в аэропорту: есть подозрение – везём золото. А с этим драгметаллом всё по-взрослому. Это не доисторические кости. На Яне драги работают, и вручную старатели моют... Если майор с группой захвата до трусов нас раздел, в аэропорту могут заставить и трусы снять, на рентген отправить.

Как быть? Жалко кости выбрасывать, столько натерпелись с ними. И тут нас осенило: а «Почта России» на что? Послать кость посылками да и дело в шляпе. Достали из рюкзака старое покрывало, разрезали на три части и три посылки по десять килограммов каждая соорудили. Иголки с нитками, само собой, имелись, в четыре руки крепко-накрепко зашили упаковку. Дойдёт так дойдёт, ну а нет, значит, не судьба –

ничего тут не попишешь.

Времени до самолёта оставалось всего ничего, в спешке не удалось уложить кости плотно, тряпками да бумагой тщательно обмотать каждую.

– Что это посылка гремит? – спросила почтарка, укладывая её на весы.

Сам себе потом удивлялся, как легко на ум пришло нужное: с языка слетело, словно это была домашняя заготовка:

– Капа, – говорю, – гриб, что на берёзе растёт. Для поделок набрали. Не бездельники мы, а рукодельники.

Что вы думаете? Все три посылки дошли до Якутска. Ткань выдержала, кости, ни единая, не повредились. Великая вещь «Почта России» – помогла нам в доставке многострадальной мамонтовой кости в пункт назначения.

В Якутске по-братски поделили с Денисом добычу. Я большую свою часть в трудные годы продал. Денис что-то продал, что-то раздарил.

Нож с ручкой из слоновой кости

В армии однажды (до дембеля месяца три оставалось, уже в дедах ходили) сидим у лётного поля с Денисом – август, тепло, ромашки. Отрывая лепестки цветов, гадали – «любит, не любит». Ни его дома девушка не ждала, ни меня... Но тема волнующая, не за горами гражданская жизнь. Заговорили о будущих жёнах.

Денис размечтался:

– Девчонку лет восемнадцати возьму.

Я давай подначивать:

– Какую молодую? Возьмёшь лет на пятнадцать старше и с двумя детьми. По твоему характеру нужна рассудительная женщина, а у молодых что? У них ветер в голове, им хи-хи, ха-ха, туфли на каблуках да платья с рюшечками.

– Не-е-е, на молоденькой женюсь!

Женился через полтора года после нашей экспедиции. Пришёл ко мне и объявил:

– Познакомился с хорошей женщиной, у неё двое детей, решено – женюсь.

– На пятнадцать лет старше?

– А ты откуда знаешь?

И тут же расхохотался, вспомнив наш давний разговор на аэродроме. Он тогда ещё сказал: «Мне нравится, чтобы не сухая, а в теле, как пловчихи бывают». Здесь я его поддер-

жал: «Пловчихи девушки сильные, что надо!»

– Выходит, ты накаркал! – Денис дурашливо погрозил пальцем. – Запрограммировал меня.

– Сам говоришь, женщина хорошая!

– Умница!

– Значит, правильно запрограммировал. Поди, на пловчиху похожа.

– Точно! Крепкая женщина!

Бес подловил Дениса на ревности. Галя родила ему дочку, он начал подозревать – не его.

Пытался вбить ему в мозги:

– Денис, да зачем ей это надо? Подумай своей головой: зачем? Сколько одиноких женщин не могут найти мужей, а ты её с двумя детьми взял. Она счастлива – так повезло в жизни. Ей сорок, она родила тебе дочь, значит, верит в тебя, знает, ты надёжный мужчина, порядочный человек! Ты должен на руках её носить вместе с дочерью!

– Ничего ты не понимаешь. У неё был мужчина до меня, Ленка от него.

– Козе понятно, были мужчины! Не девочка. Но ты даже не представляешь, как дорожит тобой.

– Ничего не дорожит...

Сейчас Лене двадцать лет, никакой экспертизы не надо – Денис и Денис, только что не лысая, как он. А Денис потерял интерес к жизни, потух. Лене полтора года было, когда ушёл из семьи. Жил один. Начал выпивать. Не буйно. Интели-

гентно – по-тихому. А потом заболел туберкулёзом. Пожарным на зоне работал, там, наверное, и заразился.

А у Лены я крёстный. Одна проформа, конечно. Она в Якутске, я – в Омске. Когда крестили, вообще ничего не понимал. Крестик не носил. В церкви и крестнице покупал, и себе. Батюшка мне:

– На тебе крест есть?

– Конечно, – говорю, – как без креста, только что надел.

К церкви по-настоящему пришёл после смерти Дениса. Он тоже был далёк от Бога, но месяца за два до кончины письмо прислал из больницы, я уже в Омске жил, просил, чтобы молился за Лену. «Ты крёстный отец, – писал, – кто кроме тебя молиться будет. Галя далека от этого. Так что молись, дружище, как можешь. За человека должен кто-то молиться. Моя Лена дочь или не моя, но твоя крестница – это бесспорно».

Молюсь. И за Дениса тоже.

Подозреваю, перед смертью он многое переосмыслил в жизни.

В память о нём храню нож с ручкой из мамонтовой кости. Ручку я сам делал. Купил бормашинку. Долго возился, но вырезал... Отличная получилась... Показывал профессиональному косторезу, он похвалил. Денис лезвие на зоне заказал из подшипниковой стали. Был у них мастер, умел закаливать сталь, отпускать... Отличный нож получился. Хотел ножны, вырезать к нему из кости... Да и сейчас хочу.

Кусок бивня по сей день держу. Да всё руки не доходят, и вдохновенья нет...

Жена у меня из Омска... В Якутске работы никакой не было, оно и в Омске не лучше, но решили ближе к её родителям перебраться. Короче, нож у меня в аэропорту отобрали. Уезжали спешно. Надо было после продажи квартиры в Якутске освобождать площадь новым хозяевам, да мы тянули до последнего... На узлах сидим, отправлять их некуда, жена в Омске никак квартиру не выберет... Наконец нашла вариант, начали в спешке грузить контейнер. Я попросил тещу нож туда положить... Она забыла, и не сказала, куда его в конечном итоге засунула. В аэропорту выяснилось – в ручную кладь. Милиционер на досмотре упёрся: холодное оружие на борт нельзя – подлежит конфискации. Вижу по хитрой физиономии – крепко положил глаз на «холодное оружие». Мне спорить некогда, на регистрацию-посадку опоздали, такси сломалось, из одной машины в другую пересаживались... И отдать нож некому, никто не провожал, Денис дежурил в тот день, накануне распрощались. Я хотел отломать лезвие, рукоятку хотя бы забрать, да куда там, сталь три миллиметра толщиной и твёрдая – о колено не переломишь. И некуда в пункте досмотра засунуть да ломануть изо всей силы – ни батареей чугунных, ничего подходящего... А уже посадка заканчивается...

Говорю менту:

– Уезжаю на всю жизнь из любимого города, зачем дорогу

поганишь?

– Не положено, значит, какой тут разговор!

Конфисковал нож.

Я весь полёт сокрушался, тещу про себя костерил. Призналась бы, что забыла в контейнер уложить, она тихой сапой сунула в ручную кладь... Я бы что-нибудь придумал, зная аэропортовские порядки...

Денису пожаловался в телефонном разговоре: накрылся нож медным тазиком. Он посочувствовал, а через полтора месяца получаю ценную бандероль от него. Распаковываю и... запрыгал от радости – нож! Мой нож! Тот самый!

Денис не открылся, как нашёл мента из аэропорта, платил ему или нет, не знаю...

Когда позвонил Денису, начал спрашивать, что да как, он перебил:

– Не бери в голову, пусть это будем моим подарком тебе. Помни друга.

Как тебя, дружище, забудешь!

В оформлении обложки использован рисунок Владимира Чупилко.